ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру. Ведь во время войны отцы хоронят детей, во время же мира – дети отцов»

Геродот (ок. 490 – 425 гг. до н.э)

ГЛАВА 1

РЕЛИГИОЗНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1.1. Роль философских взглядов Древнего Востока и Античности в зарождении военно-исторических знаний древности

Философия (любовь к мудрости) как наука (синтез и сосредоточение отдельных видов научного знания) и мировоззрение возникла в период кризиса мифологического мировоззрения. Как одна из форм общественного сознания, как система взглядов на мир в целом и на место в нем человека, она сложилась более или менее одновременно в рабовладельческих обществах Древнего Египта, Вавилона, Индии, Китая, Греции. Параллельно развитию мышления, науки, техники, осуществлялось формирование и становление военного знания, которое явилось отражением всех достижений человечества, вобрало в себя новейшее и передовое.

Военно-историческая мысль своими корнями уходит в глубокую древность. Она зародилась в форме простейшего повествования о войнах, сражениях, деятельности полководцев и военачальников в рамках общей древней историографии.

Письменные источники Древнего Востока дают документальное подтверждение различных исторических событий – многочисленных походов и войн этого периода. На основании накопления и обобщения такого материала у нас складывается представление об истоках военной науки и искусства древних народов. Данные памятники, к сожалению, носят всего лишь описательный характер, они фиксируют общее поло-

жение дел, излагают голые факты, не содержат в себе даже простейших теоретических обобщений и заключений.

Самые ранние источники письменности о войне, армии, военном искусстве дошли до нас из Древнего Египта. По ним можно судить о зарождении на Древнем Востоке основ военной науки и военного искусства. Египетская армия предстает перед нами как цельная организация, разделенная на отдельные отряды. Основным родом войск, как и повсеместно в то время, была пехота, которую составляли лучники и копейщики. Армия Древнего Египта располагала боевыми колесницами. На высоком уровне развития находилась фотрификация – египтяне умели создавать сложные системы укреплений, крепости. Военные инженерные приемы постоянно совершенствовались. Развивалась наука овладения вражескими крепостями. В распоряжении египетской армии находился сильный флот, особенностью которого было то, что он при необходимости вступал во взаимодействие с сухопутными войсками.

Для того, что бы это было осуществлено, древний человек должен был обладать сложившимся мировоззрением, был способен к анализу, синтезу, логическому мышлению, умел выстраивать цепочку последовательных задач, осознавать цели и пути их достижения, а также предвидеть конечный результат своих действий. Высокоразвитая цивилизация Древнего Египта успешно демонстрирует все это на примере уровня совершенства военной науки и военного искусства.

Практически все страны Древнего Востока имели армии, главным родом войск в большинстве из которых была пехота (тяжелая и легкая). В качестве вооружения тяжелая пехота располагала длинными копьями, короткими мечами и защитным снаряжением: щитами, панцирями, шлемами, набедренниками и поножами. Легкая пехота имела в своем распоряжении более простое оружие – луки, легкие копья, пращи. Каждый вид пехоты хорошо понимал свою задачу в бою и место в общем строю.

Для штурма крепостей армии стран Востока использовали простую осадную технику – штурмовые лестницы, подвижные и неподвижные башни, тараны, катапульты, баллисты.

Военная наука в Древнем Востоке была простой и примитивной, но она уже существовала, представляя собой определенный свод знаний. Тактика армий отличалась несложностью целей и замыслов, действия были прямолинейными, часто предсказуемыми противником.

Боевые действия часто были предсказательными, демонстративными, отражающими военно-стратегические качества полководцев, обнаруживающих свои возможности и способности, выводивших войска из

укрепленного лагеря на открытую местность и строивших их в боевом порядке. Существовала определенная тактика ведения боевых действий. Первая линия строя состояла, обычно, из линии боевых колесниц и отрядов лучников. Она предназначалась для развязки боя и разрушения четкого строя и боевого порядка противника. Вторая линия являлась ударной, её целью было поражение врага в рукопашном бою. Эта линия состояла из тяжелой пехоты. При необходимости военачальники создавали третью линию из кавалерии и боевых колесниц, главной задачей которых было преследование противника.

Координация действий войск в Древнем Востоке осуществлялась военачальниками посредством команд, передаваемых голосом, звуком боевых музыкальных инструментов или визуальными сигналами. Полководцы лично принимали участие в боевых действиях и старались находиться в центре строя. Поведение военачальника несло не только профессиональную, но и морально-этическую смысловую нагрузку, что весьма значимо для любой эпохи, особенно для древности.

Военное искусство в Древнем Востоке зародилось на ранних ступенях исторического развития этого региона. По мере роста уровня производства и совершенствования средств ведения боя усложнялась и военная наука. Все четче обозначалась зависимость хода и исхода войны от её организации и характера, экономических возможностей и политических целей государства.

Структура армии, рода войск определялась согласно традициям страны, её культуре, менталитету, этнической психологии и мировоззрению.

В Персии и Вавилоне традиционно основу армии составляла конница. Обычно она делилась на легкую и тяжелую. Вооружение кавалерии состояло из длинного копья, короткого ободообразного, удобного всаднику меча, щита, панциря, кольчуги, шлема с наколенниками. Защитное снаряжение имел не только всадник, но и лошадь.

В плеяде древних мыслителей особое место принадлежит древнекитайскому полководцу и мыслителю VI-V вв. до н.э. Суньцзы – представителю китайской рабовладельческой деспотии в период ее расцвета.

Опираясь на накопленный исторический материал, Суньцзы в трактате «О военном искусстве» [48, с. 26] предпринял попытку изложить основы ведения войны. Такими основами он считал пять явлений:

- путь – достижение того, что мысли народа совпадают с мыслями правителя;
- небо – это порядок времени;

- земля – это далекое и близкое, широкое и узкое, смерть и жизнь;
- полководец – это ум, гуманность, мужество, строгость;
- закон – о воинский строй, командование и снабжение. Анализируя содержание этих явлений, можно сделать вывод о том, что в толковании Суньцзы «путь» – это моральное единство армии и народа; «небо» – это расчет времени; «земля» – это геополитический фактор; «полководец» – это качества, которыми должно располагать высшее командование; «закон» – подготовка войск, организация, снабжение. Государство, обладающее преимуществами по всем этим параметрам, по убеждению Суньцзы, сохраняет возможность победы в войне.

Правильно оценивая роль искусной политики в войне, Суньцзы считал, что тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь. Войной, которую он полагал великим делом для государства, Суньцзы называл достижение политических целей с помощью такой политики, хотя должным образом и не понимал ее политического содержания.

Понимание взаимосвязи политики и войны послужило для Суньцзы основанием для классификации войн в зависимости от применяемых средств. Известны его высказывания о трех возможных формах войны. Первая из них: не применяя силы, с помощью других средств заставить противника отказаться от своих политических целей и покорить армию, не сражаясь. Вторая: разъединить противника с его союзниками, заставить его почувствовать себя слабым и тем самым сделать его уступчивым. Покорить войско противника без боя, говорил он, это верх военного искусства.

Третья, самая трудная и рискованная форма ведения войны, по мнению Суньцзы, заключается в использовании вооруженных сил, ибо в этой войне никто не может быть абсолютно уверенным в победе.

Немалый интерес представляют высказанные Суньцзы правила ведения войны:

- если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон;
- если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него;
- если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части;
- если же силы равны, сумей с ним сразиться;
- если сил меньше, сумей обороняться от него;
- если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него [48, с. 29].

Выступая с позиций стихийной диалектики, Суньцзы уделял большое внимание осуществлению обманных действий в отношении против-

ника. «Война – это путь обмана, – писал он. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает. Все это обеспечивает воителю победу»[48, с. 27].

Трактат Суньзцы о военном искусстве оказал большое влияние на развитие военно-научного знания не только Китая, но и многих других стран Востока.

Определенный интерес представляют суждения древнекитайского полководца и мыслителя Уцзы о видах войн. В трактате «О военном искусстве» он высказал мнение о том, что бывают войны справедливые, захватнические, личные, войны насилия, войны против самих себя. «Когда пресекают насилие и спасают свою страну от беспорядков, – писал он, – это война справедливая. Когда нападают, полагаясь на многочисленность своей армии, – это война захватническая. Когда поднимают войско из-за своего гнева – эта война личная. Когда отбрасывают всякую законность и гонятся за одной выгодой – это война насилия. Когда поднимают всю страну и двигают многочисленную армию, в то время как в стране беспорядок и люди изнемогают – это война против самих себя»[48, с. 319].

Характеризуя войны, Уцзы предлагал и некоторые пути их прекращения. Силу армии он видел в ее организованности, а, говоря о полководце, считал, что в нем должны сочетаться гражданское и воинское начала, твердость и мягкость, отвага и бдительность.

Военная тема была широко отражаема в литературных источниках того времени, о чем свидетельствуют исторические находки. Литература и письменность того времени, находящаяся также а процессе становления и формирования вели описание и комментарии военных походов, что сейчас мы расцениваем как исходные позиции мировой военной истории.

Военно-историческая мысль в древности формировалась, как и исторические знания в целом, в самых простейших формах. В Древнем Египте теоретическая военная наука сводилась главным образом к традиционной регистрации военных походов фараонов, числа захваченных пленников, добытых трофеев.

В знаменитой древней персидской Бехистунской надписи, которая является одним из позднейших политических документов Древнего Востока, содержатся сведения о походах Дария в Среднюю Азию.

В общем для стран Древнего Востока является характерным простая регистрация фактов военных событий, поданных субъективно, с позиции их видения автором. Зачастую эти события критически не проанализированы и их хронология подана неверно. Военно-исторические знания, которые мы черпаем из источников были довольно значительно подвержены влиянию древневосточных религиозных направлений и течений. Военные события и факты, равно как и всякая деятельность людей и явлений природы, объяснялись «волей Богов».

Колыбелью военной истории в Европе заслуженно считается Древняя Греция, где первые исторические повествования в прозе относятся ко второй половине VI века до н. э. и связана с деятельностью так называемых логографов – авторов письменных сочинений, которые свою деятельность называли «расспрашиванием», «исследованием». Наиболее известными среди них были Кадм Милетский, Текатей Милетский, Харон Лампсакский, Телланик Милетский, Ксанф, Ксенофоний. Известно пять источников возникновения ионийской историографии: эпические поэмы, народные новеллы, генеалогические – мифологические рассказы, погодные хроники и описания путешествий [50, с. 51]. Неумение отделить историю от мифологии – характерная черта всех логографов. Другой же их чертой является сочетание стихийно – материалистических взглядов на мир с религиозными и мифологическими воззрениями.

Сочинения логографов содержат уже первые, хотя и отрывочные сведения о военных событиях. Так, в связи с историей Лампсака Харон в своей «Лампсакской хронике» излагает и события греко – персидской войны, а Телланик Милетский в «Аттиде», то есть истории Аттики, ведет речь о Пелопонесской войне.

Более широкое освещение военных событий, главным образом относящихся к греко-персидским войнам, дано в «Истории» Геродота (род. между 490–480-ум. между 430–424 г. г. до н. э.). Его отличают от логографов такие черты, как историчность, грандиозность и единство темы. Логографы занимались преимущественно мифическим периодом; у Геродота же, хотя он и делает экскурсы в эту область, главная тема все же чисто историческая борьба греков с персами, причем он излагает историю не одного города или народа, а тесно связанную историю эллинов и варваров, Европы и Востока. Это, очевидно, и дало основание Цицерону назвать Геродота «отцом истории». О цели создания именно историче-

ского труда, прежде всего труда об истории греко-персидских войн и их причинах, говорит и сам автор. Эта задача сформулирована уже в первых строках «Истории»: «Геродот из Геликарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивление достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [10, с. 11].

В труде Геродота история еще не выделена в качестве самостоятельного повествования. В его «Истории» содержатся сведения по естествознанию, литературе, географии, этнографии. Поэтому Геродота считают так же и отцом географии и этнографии. Заслугой его является стремление провести различия между историческими фактами и вымыслом и дать им определенное объяснение. Он сумел преодолеть наивный рационализм своих предшественников – логографов – и нередко в этих позициях дает объяснение и различных мифов.[10, с. 12, с. 26–27, с. 198]. Однако, объяснение общеисторических и военно-исторических событий и фактов «отец истории» не придерживался какого-то строго определенного мировоззренческого принципа. Много места в его объяснениях военных событий и других явлений общественной жизни и природы занимают ссылки на божественную волю. Он допускает непосредственные вмешательства божества в дела и судьбы отдельных людей и целых народов, говорит о завистливости и гневе божества как причине войн и многих несчастий людей [10, с. 171–172, 386–387, 437].

Религиозное мировоззрение Геродота занимает доминирующее положение в его объяснениях исторических, в том числе и военных событий. Он часто говорит о том, что при помощи оракулов, различных предзнаменований и сновидений Боги, якобы, сообщают людям свою волю.

События истории и явления природы, происходящие в обществе – войны, эпидемии, объясняются Геродотом также и посредством предопределения, веления, судьбы, роком, который он ставит выше всего. Анализ «Истории» Геродота показывает, что именно непререкаемость слепого рока, по его мнению, есть основной закон истории. Не случайно вся его книга построена в, сущности, как ряд иллюстраций этого положения. В этом и заключается суть религиозно – нравственных воззрений Геродота.

Геродот был видным представителем своего времени, деятелем греческого просвещения V века до н. э. Поэтому он искренне стремился к поиску истинны, основанной на фактах.

«Мой долг, – писал он, – передавать все, что рассказывают, но, конечно верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» [10, с. 353]. Вот почему в случаях, где это возможно, Геродот дает рациональное объяснение фактам и явлениям. Поэтому мы вправе отметить, что в мировоззрении Геродота иногда проявляются и отдельные элементы стихийного материализма. В «Истории» Геродота приводятся случаи, где объяснение событий основано на политическом опыте, на анализе реальных исторических и географических данных.

В мировоззрении Геродота важно отметить его политические симпатии и взгляды. Из анализа его труда видно, что он был последовательным сторонником Афин и придерживался, главным образом, афинской точки зрения, как на современные ему процессы и события в Элладе, так в особенности на причины и события греко – персидских войн. Геродот прямо указывает, что именно афиняне явились спасителями Эллады, «ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам...» [10, с. 349].

Греко-персидские войны Геродот считает своеобразным кульминационным пунктом в длинной цепи столкновений эллинов с варварами. При этом войны со стороны греков он оправдывает и показывает их военное и политическое превосходство над персами.

Подводя итоги краткого анализа исторических и социологических взглядов «отца истории» следует отметить, что он положил начало изложению военной истории в рамках общей истории, сочетая их с освящением географии и этнографии многих народов. Это были первые шаги в описании военно-исторических событий и фактов в относительно стройной и последовательной форме.

Существенный шаг в исследовании военной истории Древней Греции был сделан Фукидидом (около 460–400 гг. до н. э.) – военным деятелем и историком античного мира. Он положил начало формированию научных военно-исторических знаний. Фукидид видит главную задачу в «отыскании истины», [64, с. 15] сознательно и последовательно решает ее. Ему чужды взгляды поэтов, приукрашивающих и преувеличивающих события прошлого, и предостерегает от доверия к «прозаикам», «сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха… ». «Пусть знают, – писал он, – что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полным, насколько это позволяет древность их… Быть может

изложение моё, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о его минувшем»[64, с. 15–16]. Этим правилом руководствуется исследователь при освещении истории Древней Греции, прежде всего истории Пелопонесской войны.

Так если Геродот сторонник метода рационализации мифов, исход Троянской войны связывает с вмешательством сверхъестественных сил, роком и т. п., Фукидид объясняет его естественным следствием сложившихся в Пелопонессе политических отношений и соотношения сил борющихся сторон.

Фукидид и в последующем изложении ни словом не обмолвился о вмешательстве Богов в события войны – это отвечало его мировоззрению и стремлению к поиску истины.

Еще один пример. В поражениях персов Геродот усматривал действия божества, карающего людское высокомерие и наказывающего оскорбления святыни. Фукидид же указывал, что «персы потерпели неудачу главным образом по собственной вине… вследствие собственных их ошибок» [64, с. 44]. и далее: «афиняне одержали победу благодаря превосходству их военного искусства и энергичным действиям»[64, с. 45–49].

Поставив задачу дать объективное и достоверное изложение событий Пелопонессокй войны, Фукидид использовал документальные материалы – тексты, договоры, и надписи, вещественные памятники, а также свидетельства очевидцев и личные наблюдения. Успехи Фукидида как военного историка объясняются его глубокими знаниями дела: он был активным участником Пелопонесской войны, командовал афинской эскадрой у берегов Фракии. Способствовало этому также хорошее образование и знакомство с современными философскими и естественнонаучными знаниями, с учениями Анаксагора, Гиппократа, а также старших софистов: Протагора, Горгия, Антифонта. Фукидид особенно много обязан своему учителю Анаксагору – представителю материалистического направления, – который вслед за Эмпедоклом признавал движение и качественное многообразие мира и выдвинул учения о разуме, как движущей силе бытия. Но он считал разум не началом, которое противоположно материи, а чем-то вроде некоего вещества, единственно которому и свойственно движение.

На мировоззрение Фукидида сильное воздействие оказала также его близость к выдающемуся политическому деятелю Афин Периклу и его окружению, которое составляли Сократ, трагик Софокл, архитектор

Гиподам, философ Зенон. Последние были убеждены в совместимости коллективной морали демократического государства Афин с интересами отдельного гражданина. Эту точку зрения Фукидид выразил в воспроизведенной им речи выдающегося деятеля демократических Афин Перикла, которую тот произнес над прахом афинских воинов, павших в Пелопонесской войне. Перикл говорил о преимуществах афинского государственного строя, который называется «демократическим потому, что он зиждится не на меньшинстве, а на большинстве их (граждан). По отношению к частным интересам законы наши представляют равноправие для всех» [64, с. 120].

Фукидид решительным образом устранил из своего труда о воинах все мифическое, божественное и для объяснения всех военных событий стремился найти естественные причины и свойственные людям мотивы и цели их действий и поступков. В этом отношении Фукидид делает значительный шаг вперед по сравнению с Геродотом.

Мировоззрение Фукидида находилось в тесной связи с его верой в силу человеческого ума при неизменности свойств человеческой природы. С этим связаны и его убеждения в повторяемости событий и применимости к ним тех обобщений и выводов, которые он делает относительно Пелопонесской войны.

Фукидид был убежден в том, что одинаковые причины и условия вызывают и одинаковые следствия. На этом основании он делал своеобразные исторические обобщения, заключающие в себе немалый философский опыт.

Оценивая «Историю» Фукидида в целом, следует подчеркнуть, что она по праву считается вершиной в античной историографии. И хотя он был современником Геродота, его творчество несравненно выше «отца истории», пронизано философскими воззрениями эпохи античного просвещения.

Взаимовлияние философии и истории рельефно отразилось и во взглядах Ксенофонта (430–355/354 гг. до н. э.) – древнегреческого историка, философа и военного деятеля.

Принадлежность к крупнособственнической аристократической среде и традиционное аристократическое воспитание, участие в военных и политических событиях того времени, знакомство и дружба со спартанским царем Агесилаем способствовали укреплению в Ксенофонте проспартанских настроений и формированию его взглядов на военную историю. Все это особенно ярко проявилось в трудах «Агесилай», «Греческая история» и «Лакедемонская полития».

В работах «Анабасис», «Греческая история», «Кирогидия», в книгах «О всадническом искусстве», «Об обязанностях Гиппарха» и других с позиций наивного материализма им рассматривались вопросы о функциях и качествах военачальника, о построениях войск, выборе момента для удара по противнику, о роли кавалерии и пехоты, об учении и воспитании войск. «Стратег, – писал Ксенофонт, – должен обладать способностью приготовлять все, что нужно для войны... должен быть изобретательным, энергичным, заботливым, выносливым, находчивым... осторожным и отважным в нападении; и вообще, чтобы быть хорошим стратегом надо обладать качествами как природными, так и приобретенными учением» [28, с. 94]. Он высказал идею о зависимости боевого построения и действия войск от таких объективны условий, как время суток, рельеф местности, состояние дорог, соотношение сил сражающихся сторон, и пришел к выводу об обусловленности решений стратегов и действий боевой обстановкой.

Реакционные политические взгляды Ксенофонта, его близость к Агесилаю и другим вождям Спарты не могли не сказаться на освещении им событий об общественной жизни, прежде всего военной истории. Свою «Греческую историю» он пытался представить как продолжение «Истории» Фукидида, начав излагать события с того периода (411 г. до н. э.), на котором остановился последний. Однако, как историк Ксенофонт стоит несравненно ниже двух своих предшественников – Геродота и Фукидида. Ксенофонт не ставил себе задачи «отыскания истины», стремился проникнуть вглубь явлений, понять их внутренние связи и причины. Элементы стихийного материализма при освещении Ксенофонтом военного искусства, характеристики в отдельных местах факторов побед и поражений затеняются его субъективно – идеалистическими воззрениями при описании истории войн и политической жизни античной Греции.

Ксенофонт довольно свободно обращался с фактами, выпячивая угодные и замалчивая другие, хотя в действительности они могли иметь решающее значение. Здесь явно проявился субъективизм автора, преднамеренно искажавшего историю в угоду определенной, заранее избранной концепции. Так, если в первой части «Греческой истории» Ксенофонт дал относительно объективное изложение событий, то во второй явно обнаружилось его пристрастие к Спарте и враждебное отношение к Фивам. Историю Греции он превратил по существу в историю Спарты. Здесь много и красочно описывались даже незначительные и второстепенные военные действия спартанцев, особенно Агесилая, и умалчивались или упоминались вскользь события первостепенной важности для

всей Греции. Это относится прежде всего к вопросу о создании второго афинского союза, победе Конана при Кииде. Рассказывая о битвах при Левктрах, он не упомянул имени Эпаминнонда, не сказал о нем и при описании первого похода фиванцев в Пелопонес и нападение их на Спарту; впервые Эпаминнонда встречается лишь в связи с его третьим походом в Пелопонес и его действиями в Ахайе. Его описание битвы при Левктрах было самым слабым местом во всей «Греческой истории». Вместе с тем следует отметить, что как военный деятель Ксенофонт не мог не придавать решающего значения военной тактике в сражениях, и тем не менее он не упомянул ни слова о превосходстве тактики Эпаминнонда и пытался объяснить поражение стечением случайных обстоятельств, неблагоприятных для Спарты [49, с. 161–162, 174–176].

Шагом назад по сравнению с «Историей» Фукидида являются положения «Греческой истории», в которых Ксенофонт признавал непосредственное вмешательство божества в ход событий. Так, по его мнению, Бог передал лакедемонян в руки их врагов, и те имели возможность убивать их направо и налево, ибо божество предоставило им случай, на который они никогда не могли надеяться [49, с. 161–162, 174–176].

Трудами Ксенофонта заканчивается классический период развития греческой историографии, в том числе военной. Многие гражданские военные историки более позднего времени, включая период Римской империи, широко использовали сочинения Геродота, Фукидида и Ксенофонта как образцы для подражания, как исторические источники. Все три историка значительную часть своих трудов посвятили описанию событий военной истории.

Военно-исторические взгляды Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других античных греческих историков формировались и развивались, как это было сказано выше, в русле определенных мировоззренческих концепций и в ряде случаев прямо и непосредственно смыкались с определенными философскими позициями. Вместе с тем общеисторическая и военно-историческая мысль в свою очередь имела определенное влияние на развитие социально-политических воззрений древнегреческих философов, в частности Платона и Аристотеля.

Показателен в этом отношении труд Аритстотеля «Афинская полития». Аристотель при создании этой работы опирался на сочинения Геродота, Фукидида, Ксенофонта и Эфора. «Историей» Геродота Аристотель пользовался при написании преимущественно тех разделов, где речь идет о Писистрайте и Клисфене [4, с. 199–235].

Таким образом, сочинения древнегреческих философов обогащались данными историографии, в том числе и военной, а материалистическая и идеалистическая философия оказывала существенное влияние на характер и тенденции ее развития.

Важную роль в дальнейшем накоплении военно-исторических знаний сыграл древнегреческий историк Полибий (около 200г. – около 120 г. до н. э.). Его «Всеобщая история» в 40 книгах (из них полностью сохранились лишь первые пять) являет собой практически первую попытку изложения во взаимной связи истории Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египта, Карфагена и Рима. Факты политической жизни и военной истории этих государств излагались им по принципу синхронности. Свою «Историю» он называет прагматической, то есть деловой, имеющей задачу «дать людям любознательным непреходящие уроки и наставления правдивого с записью деяний и речей,…принести пользу любознательным читателям правдою повествования» [41, с. 198]. Отсюда и конкретная цель его труда: выяснить, «каким образом, когда и почему все известные части земли попали под власть римлян» [41, с. 234] в течение столь короткого времени (в течение 53 лет). Считая историю наставляющей жизни, он полагал, что описывать военные события в праве лишь тем, кто имеет личный военный опыт и обладает знанием военных и государственных дел, географии и т. д.

В качестве исходного периода изложения событий он берет 140-ю Олимпиаду (220 г. до н.э.) и за начало своей «Истории» Полибий принимает «войны союзническую, ганнибалову и сверх того войну за Кайлесирию» [41, с. 243].

Особенно важное значение историк придавал государственному устройству, в известной мере абсолютизируя его роль. Так, успехи римлян в завоевании мирового господства он в значительной степени объяснял их государственным устройством.

Его взгляды на роль государственного строя сложились под влиянием знакомства с учениями Платона и Аристотеля. Весьма сильное влияние на его мировоззрение оказала стоическая школа.

Одним из выдающихся историков Древнего Рима был Салмостий (86–34 гг. до н.э.), видный общественный деятель, сторонник Цезаря. Он написал три исторических сочинения; «Заговор Катилины», «Югуртинская война» и «История», в которых видное место занимают военно-исторические проблемы.

На формирование социально-политических взглядов Салмостия оказали влияние историко-философские работы древнегреческих мыс-

лителей, в особенности учения Платона. Есть основания предполагать, что периодизация римской истории, ее трехчленное деление, данное в работе «Заговор Катилины», заимствована в общих чертах у Платона. Причины упадка современного его римского государства Салмостий видел в нравственном разложении нобилитета.

Политическим идеалом Салмостия был рабовладельческий умеренно-демократический полис, который должен выражать интересы средних и мелких собственников из числа римских граждан. Салмостий дал идеологическое обоснование названного государственного устройства как идеального и открытого, объявил своего политического врага – нобилитет – в корыстолюбии и честолюбии, развращенности и безнравственности, приведшее римское общество к гибели. Цель написания истории Югуртинской войны для Салмостия вполне конкретная: показать истоки борьбы против нобилитета, обличить его злокозненность. В историческом экскурсе «Югуртинской войны» римская история излагается как история борьбы между плебсом и нобилитетом.

Для военной истории несомненный интерес представляют труды Юлия Цезаря (102 или 100-15. 44гг. до н.э.) – римского государственного и политического деятеля, полководца и военного писателя. Особенно, ценным для военной истории являются его «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне».

Не будучи фундаментальным военно-историческим исследованием, они вместе с тем представляют собой яркий и правдивый, особенно в отношении к галльским воинам, рассказ непосредственного участника боевых действий. «Записки о галльской войне» – единственное более или менее полное освещение этой стороны военной и политической жизни Рима I в. до н.э. Более субъективными являются «Записки о гражданской войне», и это связано с тем, что в данном случае Цезарь стремится убедить своих сограждан в своей невиновности в развязывании гражданской войны, которая, по его мнению, была ему навязана. Тем не менее, труды Юлия Цезаря, особенно его «Записки о галльской войне», представляют собой большой вклад в развитие античной военно-исторической мысли: в ней дается синтетический обзор истории определенного периода в жизни древних римлян и других народов, позволяющих судить об их военной истории.

Одним из историков, обративших внимание на классовую борьбу в Риме как фактор исторического процесса, был Аппиан (II в.). Он написал «Римскую историю» в 24 книгах, в которой изложил историю Рима от его основания до первых десятилетий II в. Описание дано по круп-

нейшим военным столкновениям, военные события излагаются строго по фактам.

Для военной истории значительный интерес представляют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (около 46 г. – около 127 г.). При изложении биографий выдающихся исторических лиц Плутарх группировал их попарно; в каждой паре представлен грек и римлянин, между которыми он видел сходство в каком-либо отношении.

Плутарх при отборе персонажей на первый план ставил полисную Грецию и Римскую республику, причем применительно к последней предпочтение отдавал периоду гражданских войн, которые в той или иной степени отражались в биографиях Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла, так называемого «первого тририумвирата», в лице Красса, Помпея и Цезаря и его сторонников – Цицерона, Катона Младшего и Брута.

Будучи идеалистом – эклектиком (он больше всего приклонялся перед Платоном, хотя отдавал дань философам стоической, перипатетической и пифагорейской школ). Плутарх, как философ – моралист в основу биографических описаний клал оценочную концепцию «великого человека», рисовал его характер. История, по его мнению, призвана способствовать исправлению нравственности.

Значительным вкладом в военную теорию Древней Греции явились результаты походов греков под предводительством одного из крупнейших полководцев древнего мира Александра Македонского. Поход македонской армии начался весной 334 г. до н.э. и продолжался более десяти лет. В первые же годы она завоевала Малую Азию, Финикию, Египет. В 331 г. Македонский одержал одну из главных побед, разгромив главные силы персидской армии при Гавгамелах.

Анализируя эту победу с позиций военного искусства необходимо отметить, что она была одержана македонской армией благодаря хорошей подготовке сражения, решительным и согласованным действиям всех частей боевого порядка и прежде всего атакующей конницы правого крыла и фаланги пехоты центра. Успех, достигнутый ударной конницей, был своевременно закреплен и развит, что позволило захватить решающие пункты неприятельской позиции и укрепиться в них. Поражение одного крыла противника позволило войскам Македонского совершить маневр и разбить его второе крыло. Впервые в истории военного искусства войсками был создан прообраз резерва в виде второй линии македонского боевого порядка, что полностью себя оправдало, а в дальнейшем было взято на вооружение.

Способы ведения войны в целом, и отдельных боев в частности, явились новым шагом в развитии военного искусства. Поход македонского войска, как правило, расчленялся на ряд самостоятельных этапов, в ходе которых решались ближайшие задачи и создавались условия для выполнения последующих задач.

Поход македонской армии на огромные расстояния в течение десяти лет обеспечивался хорошей организацией. Хотя численное соотношение сил зачастую было в пользу противника, Македонский на направлении главного удара армии всегда добивался количественного перевеса войск. При этом превосходство в силах создавалось не только за счет пехоты, но и за счет хорошо согласованных действий конницы и пехоты. Тем самым в македонской армии был не только сохранен открытый Эпаминондом принцип сосредоточения сил на главном направлении, но и произошло обогащение этого принципа путем комбинированного применения родов войск.

Одной из основ тактики македонской армии явился маневр, который осуществлялся на поле боя не только конницей, но и пехотой, немедленно развивавшей успех конницы или подготовлявшей его. Фронтальное сражение уступило место маневренным действиям; успех македонских войск достигался, как правило, фланговыми ударами в сочетании с фронтальным наступлением.

Созданная усилиями Македонского путем завоеваний огромная империя представляла собой результат насильственного покорения множества различных по уровню социально-экономического и культурного развития стран. Однако она не имела экономической базы, представляла собой конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и не связанных между собой. Это и обусловило ее неизбежный распад на многие самостоятельные государства. На развалинах державы Македонского возник новый государственный строй, положивший начало эпохе эллинизма.

Новый этап в истории развития военно-теоретического знания связан с именем карфагенского полководца Ганнибала, который разработал и осуществил выдающийся для своего времени стратегический план вторжения на территорию Римского государства через Пиренейский полуостров. Вершиной его полководческого искусства стало сражение при Каннах (216 г. до н.э.). Закончившееся разгромом римской армии, оно вошло в военную историю как образец полного уничтожения противника путем его полного окружения.

Приведенная выше краткая характеристика формирования и развития военно-исторических знаний в рабовладельческом обществе показывает, что они выражали борьбу двух основных направлений в философии – материализма и идеализма. Эта борьба отражалась во взглядах историков на прошлые и современные им военные события, объяснение их причин, их места и роли в общеисторическом процессе, на достоверность изложения. Вместе с тем исторические описания в свою очередь оказывали определенное влияние на философские воззрения древних мыслителей. Нередко в одном лице сочетались историк и философ. На формирование относительно достоверных военно-исторических знаний определяющее влияние оказал материализм и стихийная диалектика древних мыслителей. Именно они помогали древним историкам преодолевать мифологическую и религиозную традиции в объяснении явлений природы и общественной жизни. Идеалистические воззрения не позволяли историкам искать естественные причины описываемых событий и поступков людей, что тормозило процесс формирования достоверных военно-исторических знаний.

1.2. Особенности развития военно-политической мысли в период Средневековья и Возрождения

Возникновение феодальной общественно-экономической формации в различных странах произошло в разное время: в Индии, например, в первые столетия нашей эры, в Закавказье – в IV–VI вв., в Западной Европе – в V–VI вв., в России – IX в. Господствующей идеологией в феодальном обществе была религия. Теологическое мировоззрение господствующих классов вытекало из особенностей феодального строя, имело объективные причины.

В средневековый период религиозное мировоззрение стало господствующим и в исторической мысли, оно тормозило развитие исторических знаний. Наиболее распространенным объяснением исторических событий и фактов было провиденциалистское, указывающее на то, что ход истории, ее события и процессы предопределены божественной волей.

Теоретическим обоснованием теологического понимания истории послужили философские воззрения Августина, прозванного «Блаженным» (354–430 гг.). Он считал, что «исторические события зависят от божественного провидения». По его мнению, от пожелания бога зави-

сит даже продолжительность войн, который сокращает или удлиняет их «по своему усмотрению». Вся история в представлении Августина – это сплошная борьба между приверженцами бога, строящими «град божий», с одной стороны, и приверженцами сатаны, строящими «град земной», – с другой. Свою христианско-теологическую систему этот воинствующий проповедник религиозного мракобесия развертывал на основе мистического неоплатонизма. Воззрения Августина возникли на рубеже развала римской рабовладельческой империи и возникновения феодального строя и оказали определяющее влияние на формирование средневековой схоластики, а также дальнейшее «обоснование» «теологического понимания истории» вплоть до эпохи Возрождения. Именно он явился одним из первых теоретиков и пропагандистов теократической системы, обосновавшей главенство церковной (католической) власти над светской. Своими софизмами Августин, как известно, оправдывал рабство, частную собственность, неравенство.

Еще более реакционной оказалась философия истории последователя Августина Фомы Аквинского (1225–1274 гг.). В его трудах выражен основной принцип схоластики: философия – служанка богословия. Он вел активную борьбу со всякими проявлениями материалистических тенденций в схоластике.

Религиозные воззрения Августина и Фомы Аквинского оказали отрицательное, реакционное влияние на освещение исторических событий, в том числе военной истории.

Военно-исторические знания в период средневековья сосредоточивались главным образом в церковных (монастырских) хрониках. Военный историк России XIX в. Н. С. Голицын отмечал, что после падения Римской империи в течение около 1000 лет такого рода хроник во всех государствах Западной Европы накопилось чрезвычайно много [13]. Они составили хотя и обильный материал для военной истории того времени, но сырой и в военном отношении явно неудовлетворительный, поскольку составителями хроник были люди невоенные. Следует отметить, что такого рода хроники, как правило, имели частный, местный характер, излагали события, относящиеся к отдельным городам, княжествам, небольшим регионам. С возникновением в XV в. книгопечатания хроники стали уже издаваться. На их основе началось также исследование и составление общеисторических и военно-исторических работ о средних веках.

Ограниченность религиозного мировоззрения вела к тому, что авторы хроник и летописей выделяли, как правило, лишь внешние связи со-

бытий и стремились только к их хронологической последовательности, а события военной истории и природные явления объяснялись чаще всего с позиций провиденциализма и мистики.

Покажем это вкратце на примере накопления военно-исторических знаний на Руси в XII–XVIII вв.

Первоначальной формой освещения военно-исторических событий на Руси были летописи, которые велись при монастырях и княжеских дворах. Классическим памятником первого этапа летописания, когда происходило формирование летописей, является «Повесть временных лет» (начало XII в) [2, с. 9]. Этот классический памятник пронизан идеей обоснования необходимости единства земли русской, самостоятельности русской государственности и культуры. В нем широко освещается история Руси с древнейших времен и до конца XI в.

В «Повести временных лет» важное место занимают вопросы военной истории. Освещение их подчинено вышеупомянутой общеполитической цели. Походы Олега, Игоря и Святослава против хазар, печенегов и византийцев, как утверждает летопись, имели по существу одну и ту же цель – обеспечить независимость русского государства в политическом и экономическом отношениях.

Второй этап летописания связан с усилением феодальной раздробленности на Руси, образованием целого ряда удельных княжеств и междоусобной борьбой за политическое главенство, великокняжеский престол. Этим обусловлено появление различных местных летописей: новгородской, владимирской, суздальской, ростовской, московской, галицко-волынской и т. д. В них освещаются различные события военной истории, связанные с борьбой русского народа против иноземных захватчиков – немцев, шведов, поляков (например, новгородская, псковская и галицко-волынская летописи).

Военно-политические вопросы нашли широкое освещение в «Слове о полку Игореве», «Житии Александра Невского» и «Задонщине» – жемчужинах народного творчества XII–XIV вв. В этих повестях не просто прославляются действия того или иного князя, рассказывается о собирании войск, их организации и походах, а ставятся политические цели – призыв к объединению усилий всего русского народа в борьбе за свою свободу, необходимость единства русского народа и объединения отдельных княжеств с укреплением власти великого князя.

С периодом образования и укрепления централизованного русского государства связан третий этап летописания (с конца XIV и до XVII в.). Идея единодержавия нашла отражение в «Сказании о князьях Владимир-

ских» и в «Степенной книге». Последняя преследовала цель доказать, что история русского государства связана с историей дома Рюриковичей.

Третий этап русского летописания характеризуется появлением летописных сводов, в которых предпринимаются попытки осмыслить историю всего государства и показать ее связь со всемирным процессом. Наряду с официальными летописями появляются исторические повести, авторы которых пытаются выявить причинно-следственные связи в исторических событиях, в действиях людей. Например, попытки выяснить причины освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого предприняты в казацких летописях XVII–XVIII вв. В них отмечается, что причинами этой войны были социальное, национальное н религиозное угнетение украинскою народа польской шляхтой.

Большой интерес для военной историографии представляют появившиеся в XVI в. воинские повести. Например, «История о Казанском царстве» излагает ход борьбы Русского государства с казанским ханством, раскрывает значение возвращенных исконно русских земель. Последний этап Ливонской войны освещен в «Повести о прихожении Стефана Батория под град Псков». Вооруженная борьба русского народа за свободу и независимость отражена в повестях: «Сказание Авраама Палнцына». «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского». «Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении», «Историческая- повесть о взятии Азова» и другие. Две последние повести имели целью доказать важность взятия Азова.

Возникновение исторической повести означало, что сделан крупный шаг в накоплении и развитии исторических знаний. Ценность исторической повести состоит в том, что в ней факты не просто освещаются, но и объясняются. Борьба русского народа против польских и шведских захватчиков и другие события начала XVII в. оказали большое влияние на развитие военно-исторической и военно-теоретической мысли в России.

В Западной Европе, как уже отмечалось, в средневековый период наиболее распространенным типом историографических произведений были хроники, содержащие относительно подробное и систематизированное по времени изложение событий и фактов. Особенно это относится к так называемым всемирным или универсальным хроникам. К числу наиболее известных из них относятся «Большая хроника» Исидора Севильского (VII в.). «Хроника» Оттона Фрейзингенского (XII в.) и др. Феодально-церковные хроники довольно подробно освещали мно-

гочисленные династийные и «рыцарские» войны, крестовые походы и т. и. Характерной чертой этих хроник являлось то, что они настойчиво проводили богословскую концепцию истории в ее официальном церковно-феодальном духе. Все войны рассматривались как проявление божественной воли.

Наряду с церковно-феодальными хрониками, авторами которых, как правило, были монахи, в XIII в. появляются светские хроники. Одной из наиболее известных рыцарских хроник является «Хроника» Ж. Фруассара (XIV в.). Длительная борьба городов с сеньорами оказала влияние на содержание городских хроник, некоторым из них свойственны и антифеодальные тенденции.

В целом западноевропейские средневековые хроники и русские летописи являлись шагом назад по сравнению с античной общей и военной историографией. Военно-исторические и другие события общественной жизни объяснялись главным образом с позиции провиденциализма. События в большинстве случаев рассматривались как проявление извечной борьбы бога и дьявола, неба и ада. Войны и стихийные бедствия объяснялись «божьей волей», «карой за грехи» или же кознями «дьявола», приближением «конца света». И хроники и летописи носили классовые черты: выражали интересы господствующих классов – духовных и светских феодалов.

Вместе с тем в работах отдельных средневековых мыслителей встречаются попытки вскрыть «земные» причины конкретных войн. Так, вопреки распространенным взглядам философов-схоластов, отстаивавших принцип божественной предопределенности человеческих поступков, оправдывавших захватнические войны феодалов и объяснявших причины, ход и исход войн божественной волей, армянский мыслитель Езник Кохбаци (80-е годы IV в. – 60-е годы V в.) в работе «Опровержение сект» высказал идею, что войны ведутся в целях захватов и грабежей: «...убийства происходят не по предопределению рока, а по наущению злой воли захватчика, который, вторгнувшись, алчно разрушает страну, грабя ее достояния и богатства» [68, с. 396–397]. В его труде звучат не христианские мотивы подчинения судьбе, а призывы к борьбе, к активной защите родины.

Социальные противоречия феодального общества нашли свое отражение в средневековой историографии и обусловили возникновение различных оппозиционных официальному церковно-феодальному пониманию смысла истории исторических концепций, так называемых средневековых ересей. Так, выражая идеологию масс, борющихся против

гнета церковных и светских феодалов, Иахим Флорский (XII в.) выдвинул идею развития общества от рабства к свободе. Причем она утверждала неизбежность гибели как католической церкви, так и феодального государства еще до завершения земной истории людей. Вершиной антифеодальной концепции истории явились идеи Томаса Мюнцера об уничтожении частной собственности и социального неравенства революционным путем.

Коренной поворот в развитии исторической мысли в целом, военно-исторической в частности, наступил с созданием гуманистической историографии эпохи Возрождения, связанной с появлением' раннекапиталистических отношений. Этот период положил начало преодолению церковно-феодальной концепции истории. Решающее значение для развития военно-исторической мысли имел разрыв с теологическим объяснением военных событий и других общественных явлений и поиск факторов их объяснения в самой реальной действительности. Представители гуманистической историографии пытались вскрыть законы исторического раз вития и увидели его движущую силу в политической борьбе партий и социальных групп. Это был поистине поворот в историографии, приведший к прогрессивному развитию общей и военной историографии.

Наиболее видным представителем историографии эпохи Возрождения был Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.), один из первых мыслителей нового времени.

Для Макьявелли, как и для других деятелей эпохи Возрождения, философские взгляды периода античности были живительным источником для размышлений. Он был хорошо знаком с трудами Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха, Тита Ливия, Тацита, Цицерона, Цезаря, Светония и других историков, философов, политических и военных деятелей Древней Греции и Рима. Макиавелли относился к античным писателям как политик-теоретик и практик. Он был реалистом и в своем стремлении видеть идеи античных мыслителей претворенными в жизнь, исходил из конкретных условий своего времени. Его философско-социологические выводы и концепция истории основаны на сочетании опыта древних с опытом современников. «...Главным у Макиавелли является не признание, а установление нового, не известного ни античным писателям, ни мыслителям Средневековья закона: исторический процесс, смена форм государств происходят не по желанию или фантазии людей, а под влиянием непреложных жизненных обстоятельств, под воздействием «действительного хода вещей, а не воображаемого» [32, с. 367].

В работах «Государь», «История Флоренции», «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия», Макиавелли выдвинул свою теорию государства. Его лучшей формой он считал республику. Но анализ итальянской действительности (постоянная вражда и столкновения итальянских государств, а также нападения иноземцев) побудил его сделать вывод о том, что объединение Италии в единое государство и его защита от внешних врагов возможны при условии сильной и неограниченной власти – диктатуры государя. Политические взгляды Макиавелли, выступавшего идеологом зарождающейся буржуазии, проникнуты духом патриотизма, идеей необходимости национального объединения Италии. Решающей силой такого объединения он считал армию.

Характерной чертой мировоззрения Макиавелли является признание исторической закономерности, ее поиск, стремление к выявлению объективных причинно-следственных связей в описываемых событиях общей и военной истории. Он решительный противник теологии. Движущей силой истории Макиавелли считал политическую борьбу. Так, в предисловии к «Истории Флоренции» он писал: «Общеизвестно, что в Риме после изгнания царей возникли раздоры между нобилями и плебсом, и не утихали они до самой гибели Римского государства. Так было и в Афинах, и во всех других процветавших в те времена государствах. Но во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилями и пополанами и, наконец, между пополанами и плебсом» [32, с. 10].

В описании событий военной истории и в решении вопросов военной теории и практики Макиавелли проявил гибкость мышления, а в некоторых случаях обнаруживал и стихийно-материалистический подход.

Макиавелли много внимания уделял истории и теории военного искусства, посвятил этим вопросам специальную работу «О военном искусстве». Он явился одним из тех, кто пробудил интерес к вопросам теории и истории военного искусства, к изучению истории войн и военного дела.

Им высказан ряд плодотворных идей о значении экономического фактора в войне, о важности тесной связи действующей армии с тылом своей страны, о комплектовании и обучении армии, о правилах ведения войны и условиях, обеспечивающих достижение победы, и т. д. «Люди, оружие, деньги и хлеб, – писал он, – вот жизненная сила войны» [32, с. 210].

Вместе с тем нельзя не отметить и реакционных сторон в деятельности и творчестве Макиавелли. Говоря о государственных интересах,

он считал допустимыми любые средства – насилие, убийства, предательства, обман и т. п. Известно его враждебное отношение к полупролетарским массам Флоренции, что особенно проявилось в описании восстания Чомпи в 1378 г. в «Истории Флоренции». Известны и другие реакционные аспекты его деятельности и творчества.

Младший современник Макиавелли Франческо Гвиччардини (1483–1540 гг.) также внес заметный вклад в развитие философско-социологических вопросов общей и военной историографии. Научная и практическая деятельность Гвиччардини представляет наглядный пример тесной взаимосвязи и взаимовлияния философских знаний, истории, права, этики, политики и военного дела. Обобщая свои глубокие познания в области истории и права, а также личный опыт дипломатической, политической и военной деятельности, он написал в 1529 г. знаменитые «Заметки политические и гражданские», в которых в форме афоризмов изложил свое философско-социологическое и этическое кредо. Эти «Заметки» были евангелием итальянской буржуазии в течение всего времени господства феодальной реакции и чтились ею как «золотые предписания» [11, с. 8]. Философско-социологические идеи этой работы затем были положены в основу главного произведении Гвиччардини — четырехтомной «Истории Италии», опубликованной после смерти автора в 1561–1564 гг. Вопросы военной истории Италии за период с 1492 по 1534 г. органически связаны с политической и отчасти экономической историей. Гвиччардини впервые создал историю не одного из многих итальянских государств, а всей страны как единого целого.

Как сын эпохи Возрождения, Гвиччардини искал объяснение исторических событий, в том числе войн, не в божестве и мистике, а в реальной действительности, в деятельности людей, прежде всего политических и военных руководителей. Эгоистические побуждения людей, стремление к власти, обогащению и самосохранению, по мнению мыслителя, являются движущими силами истории. Он дал яркую характеристику политических и военных деятелей рассматриваемого периода истории итальянских государств, стремясь в первую очередь раскрыть психологические побуждения их действий.

Исходным пунктом его философии истории является определенное понимание человеческой природы. В отличие от Макьявелли, считавшего, что люди от природы злы и порочны, Гвиччардини принял за аксиому тезис тех гуманистов, которые утверждали, что по своей естественной природе люди более склонны к добру, чем к злу.

Однако он не относится к тем философам-гуманистам, которые идеализировали человека и, исходя из этого, рассматривали войны как результат исторических недоразумений, возникших вследствие непонимания людьми своей истинной природы, утверждая, что достаточно просветить правителей и законодателей и войны исчезнут, наступит всеобщий, вечный мир. Флорентийский мыслитель считал, что между идеальной природой человека и его реальным поведением в обществе находятся такие мощные побудительные силы, как интерес, стремление к личной пользе и выгодам. Только государство, являясь выражением разума, сдерживает антиобщественные побуждения индивидуумов при помощи насилия и поощрений. Эту точку зрения Гвиччардини облек в следующую формулу: «Человек от природы склонен к добру, и добро нравится больше, чем зло, если только зло не приносит наслаждение и выгоды; однако природа человеческая хрупка, соблазны же зла бесконечны, и люди легко отступают от природной склонности ради интереса. Поэтому не ради насилия, а для удержания людей в верности их природе изыскали мудрые законодатели для них шпоры и узду, то есть награду и наказание...» [11, с. 180].

Наилучшим государственным устройством Гвиччардинн считал аристократическую республику. Рассматривая армию как необходимое орудие государства, а войны как естественное следствие существования государств, он решительно осуждал народные восстания, в том числе знаменитое восстание Чомпи в 1378 г., с описания которого начинается его «История Италии». Показательно, что Гвиччардини уже на ранней стадии развития буржуазии являлся выразителем буржуазной идеологии (свойственной более поздним эпохам), что проявлялось в его ненависти к массам.

Весьма характерно отношение Гвиччардини к религии – идеологической основе морального духа армии того времени. Подобно многим мыслителям-гуманистам он был равнодушен к религии и в объяснении исторических событий обычно обходился без теологической аргументации. Вместе с тем он подчеркивал огромное значение религиозной веры для использования народных масс в интересах политики и ведения войны. Размышляя о причинах беспримерного упорства жителей Флоренции, которые в течение семи месяцев выдерживали осаду соединенной армии папы римского и императора Священной римской империи, Гвиччарднни делал следующее религиозно-философское обобщение: «Если люди благочестивые говорят, что, кто имеет веру, творит великие дела, и

«Военные и война» (Венеция, 1558), Бальтазара Айола «О праве войны и военных учреждений» (Лёвен/Нидерланды, 1582), Альберико Джентили «Право войны» (Антверпен, 1589). В XVII в. было издано более сотни работ по военно-правовым и военно-философским вопросам, написанных юристами, философами и военными специалистами. Типичной является книга Иоганна Неймайра фон унд цу Рамсла «О войне» [86, s. 992].

Этот фундаментальный для того времени труд написан под впечатлением грабежей, насилий, ужасов Тридцатилетней войны, вызвавшей опустошения многих городов и районов Центральной Европы. Считая, что войны неизбежны, Неймайр фон Рамсла призывал правителей сделать все возможное, чтобы ограничить их губительные последствия, договориться вести войны «гуманно».

Среди множества книг подобного рода наибольший резонанс в XVII–XVIII вв. имел трактат «О праве войны и мира», написанный знаменитым голландским ученым-юристом, философом, историком и политическим деятелем Гуго Гроцием (1583–1645 гг.). Гроций является основоположником науки международного права, и его работы в этой области сохранили свое значение и поныне. Книга «О праве войны и мира» появилась в 1625 г., в разгар Тридцатилетней войны. В отличие от многих других подобных трудов Гроций в своей книге сумел выйти за рамки военно-юридических и международно-правовых вопросов, разработав относительно прогрессивные буржуазные философско-социологические теории происхождения государства, права и войны, положения о справедливых и несправедливых войнах, о соотношении войны и права, войны и мира.

В противовес традиционным феодально-теологическим представлениям о государстве и праве как божественном установлении Гроций развил естественно-правовую теорию, согласно которой источником государства и права является естественная природа человека, а именно его стремление к разумному общению. Государство определяется в трактате как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [16, с. 74].

Война, по Гроцию, возникает из природы человека и из природы созданного им государства.

Определение войны голландский мыслитель дал в широком и узком, смысле. В широком смысле «война есть состояние борьбы силою», [16, с. 68]. т. е. «способ разрешения разногласий, споров посредством применения силы» [16, с. 68]. В зависимости от сторон, участвующих в войне, она может быть, по Гроцию, «частной», «публичной» или же «смешан-

ной», которая соединяет в себе элементы публичной и частной войны. В трактате речь идет главным образом о «публичной» войне, т. е. войне между суверенными государствами, и слово «война» в нем употребляется преимущественно применительно к такому виду борьбы. Гроций писал, что, хотя «язык не противится употреблению слова «война» в... более широком смысле», «однако ничто не препятствует нам присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами» [16, с. 8].

В эпоху империализма, когда буржуазия превратилась в контрреволюционный класс, ее идеологи стали признавать правомерными войны лишь между суверенными государствами, отрицая право народа на революцию, восстание. Гроций как идеолог буржуазии, только что свершившей революцию, признал, хотя и с оговорками, это право. вв едение им понятий «частной» и «смешанной» войн теоретически создавало возможность для признания законности таких революционных войн. Он считал правильным мнение, что «война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке» [16, с. 50].

Гроций подверг критике пацифистский взгляд на войну, в частности идеи своего знаменитого соотечественника Эразма Роттердамского, провозгласившего, что война противоречит человеческой природе, является источником всех бед и зол, а потому любая война должна быть воспрещена. «Война.., – писал Э. Роттердамский, – противна всему сущему; война – первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким» [57, с. 40]. Горций считал, что такие люди «мыслят так с тем расчетом, как это обычно делается, чтобы отклонением в одну сторону оттолкнуть вещь в противоположную сторону и тем самым привести ее в надлежащее положение». Однако «самая эта попытка чрезмерного отклонения в противоположную сторону зачастую не только не способствует, но даже препятствует достижению цели, поскольку беспрепятственное обнаружение явной крайности подрывает доверие даже к таким суждениям, которые совершенно истинны. Поэтому излечение от обеих крайностей, по-видимому, нельзя искать ни во всеобщем запрете, ни в дозволении на все» [16, с. 52].

Гроций исходил из того, что наряду с несправедливыми существуют войны справедливые. Однако критерий оценки характера войны он пы-

тался найти в естественной и общественной природе людей и обусловленном ими праве.

Существует бесчисленное множество побуждений, приводящих к вооруженным конфликтам, ибо «нет такого спора, из-за которого не могла бы возгореться война». Однако, писал Гроций, надо проводить различие между причинами «оправдательными» и «побудительными». Первые часто являлись лишь предлогами, создающими ложную видимость справедливости войны о чем свидетельствуют многочисленные примеры из истории войн. Так, в войне Александра против Дария «предлогом» было отмщение обид, нанесенных грекам персами; «причиной» же была жажда славы и власти, богатства, чему сопутствовала великая надежда на легкую осуществимость предприятия, возникшая в связи с походами Ксенофонта и Агесилая. «Предлогом» Второй Пунической войны был спор из-за Сагунта, «причиной» же – досада карфагенян на соглашения, которые римляне исторгали у них в неблагоприятных обстоятельствах, и вместе с тем подъем духа после удачного оборота дел в Испании» [16, с. 526].

Справедливой войной голландский мыслитель называл такую, которая заслуживает одобрения со стороны естественного и международного права, а именно войну, являющуюся ответом на правонарушения. Подробно рассматривая многообразные виды правонарушений, он сводил их, во-первых, к таким, которые угрожают безопасности, жизни и самому существованию народа, и, во-вторых, к тем, которые покушаются на достояние народа и имущество частных лиц. «Каковы же причины войны незаконные, несправедливые, возможно, – писал он, – до некоторой степени убедиться на основании справедливых причин, выясненных нами до сих пор. Ибо кривое познается путем сравнения с прямым». К несправедливым войнам он относил всякого рода нападения на другие государства и народы, преследующие эгоистические соображения своей пользы и угрожающие покорением, порабощением, захватом плодородных земель и иных богатств» [16, с. 528–533]. К этому же виду Гроций относил войны с целью установления мирового господства.

Гроций не считал справедливой причиной войны и «неопределенный страх» перед возрастающей мощью соседей. «Ибо для того, чтобы самозащита была справедливой, она должна быть необходимой, что имеет место не иначе как при условии, если не только явно существует угроза мощи, но мы знаем и о соответствующем намерении соседа с той степенью достоверности, которая возможна в области нравственности» [16, с. 528]. Эта формулировка безусловно уязвима, и она неоднократно

философско-исторической концепции, получившей развитие в последующих трудах. В этих первых работах содержится большой материал по истории нидерландской революции и непосредственно по военной истории. В 1610 г. Гроций опубликовал книгу «О происхождении и строе Батавской республики», в которой освещена история образования голландского государства в ходе освободительной войны против Испании. Однако для развития военно-исторических знаний и становления военной истории как науки важнейшее значение имели не столько военно-исторические труды Гроция, сколько его философско-правовая концепция войны и мира, оказавшая огромное влияние на разработку проблем военной философии и военной истории буржуазными философами и учеными XVII–XVIII вв. и позже.

Развитие военной философско-исторической мысли в Англии в XVII–XVIII вв. было непосредственно связано с идеологической борьбой в период буржуазной революции, закончившейся в 1688 г. компромиссом между буржуазией и дворянством, и стремлением этих классов обосновать особую роль Великобритании как господствующей морской и колониальной державы. Характерно, что в ответ на трактат Г. Гроция «О свободном море» в Англии уже в 1635 г. был опубликован трактат Селдена «Закрытое море», в котором развивалась прямо противоположная политико-юридическая концепция по вопросу о морском торговом и военном праве. Многие английские философы, даже из числа прогрессивных во взглядах на природу п на некоторые общие проблемы истории общества, развивали весьма реакционные и агрессивные великодержавные концепции.

Так, Френсис Бэкон (1561–1626 гг.), «настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей* науки...» [33, Т. 2. с. 142], ратовал за активную морскую и колониальную политику, не останавливающуюся перед международными конфликтами и войнами. Он утверждал, будто «народ не может развивать своего богатства иначе, как за счет другого народа...», [5, с. 187–355]. и рассматривал войну как необходимое упражнение «политического тела», т. е. государства, считая, что мирное время приводит к упадку мужества и порче нравов. Эти взгляды на войну были положены в основу освещения Бэконом проблем истории Англии, в том числе ее военной истории. Ф. Бэкон был не только философом, но и историком. Его труд по истории Англии, опубликованный в 1719 г., является одним из важнейших источников изучения английской военной истории средневековья и XVI–XVII вв. Философские и исторические взгляды Ф. Бэкона оказали значительное влияние

потесниться... А когда весь мир окажется перенаселенным, тогда остается как самое последнее средство война, которая заботится о всяком человеке, давая ему победу или смерть» [12, с. 263].

Гоббс оказал большое влияние на всеобщую и военную историю прежде всего своим социальным учением, которое занимает в его философии преобладающее место. Буржуазные военные идеологи использовали и используют его учение о природе и причинах войн. Вплоть до наших дней используется учение Гоббса о «злой» природе людей как коренной причине войн. Например, в книге известного английского военного историка Лиддел Гарта по истории первой мировой войны мы находим почти буквальное воспроизведение мыслей Гоббса о страхе, недоверии, стремлении к славе и соперничестве как основных причинах возникновения войны.

Критику социологического учения Гоббса с буржуазно-либеральных позиций дал продолжатель материалистической традиции в английской философии Джон Локк (1632–1704 гг.). Позиция этого английского просветителя по вопросам войны и мира ближе к концепции Гроция, чем Гоббса. Локк решительно осуждал несправедливую войну, под какой бы личиной она ни выступала. Справедливой он признавал лишь войну в ответ на агрессию, а также восстание народа против монарха-узурпатора, несоблюдающего принципы «естественного права» и тем самым нарушающего «договор», будто бы лежащий в основе происхождения государственной власти. «Отсюда совершенно очевидно, – писал он в труде «О государственном правлении», – что тот, кто побеждает в несправедливой войне, не может благодаря этому приобрести право на покорность и повиновение побежденного» [31, с. 101–102]. Даже победитель в справедливой войне «обладает деспотическим правом над личностью всех, кто фактически помогал вести войну против него и участвовал в ней, и имеет право на возмещение понесенного им ущерба и издержек за счет их труда и имений, не ущемляя права кого-либо другого. Над остальной частью народа, если там были люди, которые не соглашались на войну, а также над детьми самих пленников, равно как и над владениями тех и других, он не имеет никакой власти…» [31, с. 110].

Философско-социологические теории Локка оказали огромное влияние на французских просветителей XVIII в. : Вольтера, Монтескье, Руссо, Кондорсе, Тюрго, Дидро, Гельвеция, Гольбаха и др. Уже в XVI–XVII вв. во Франции развивались идеи, сходные с рассмотренными выше. Но здесь резче, чем в других странах, звучало в этот период осуждение религиозной нетерпимости, как одной из причин, вв ергавших

ская военная мысль с одной стороны являлась результатом практической апробации и усовершенствования западных подходов, а с другой стороны представляла свои национальные идеи, поднимающие авторитет русской армии и военно-морского флота. Все это не умаляет значимости вклада отечественной военной мысли в зарождение, формирование и становление основ военной науки.

Уже в XVI–XVII вв. в России были разработаны воинские уставы, которые в значительной мере отражали опыт войн и регламентировали воинские отношения. Например, дьяк посольского приказа Онисим Михайлов в 1607 г. разработал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...». В этом труде, в частности, излагались конкретные рекомендации по организации и вооружению войск, по применению артиллерии, подготовке и ведению наступательного и оборонительного боя, по обучению и воспитанию войск. Кроме того, в 1647 г. по указу царя Алексея Михайловича было издано «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Это была первая русская печатная военная книга, имевшая силу официального руководства для полков «нового строя».

В дальнейшем, в XVIII в., отечественная военно-теоретическая мысль и военное дело пережили бурное развитие. Именно в этот период Россия выдвинула ряд таких талантливых полководцев и флотоводцев, как Петр I, П.С. Салтыков, П.А. Румянцев, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков. Они не только прославили русское оружие в войнах и сражениях, но и внесли много нового, оригинального в развитие теории военного искусства, в формирование военной науки российского государства.

Подлинным преобразователем военного дела стал Петр I (1672–1725 гг.). Как военный деятель Петр I стоит в ряду наиболее образованных и талантливых строителей вооруженных сил. К его несомненным заслугам следует отнести не только создание регулярных армии и флота России, но и то, что он был выдающимся военным теоретиком. Петр I является автором и редактором ряда уставов, наставлений и инструкций, других военных сочинений, в которых сжато изложены его взгляды на подготовку государства к войне, строительство вооруженных сил, руководство ими, на обучение и воспитание войск, на способы ведения военных действий. Под руководством Петра I были разработаны и изданы такие труды, как «Учреждение к бою по настоящему времени» (1708 г.); «Книга Устав воинский» (1716 г.); «Книга Устав морской» (1720 г.), которые существенно отличались от аналогичной западноевропейской литературы.

Для большинства этих военно-теоретических работ Петра I, являвшихся, по сути, обобщением богатого опыта Северной войны 1700–1721 гг., были свойственны широта постановки проблем, обстоятельность и глубина их раскрытия, многосторонность. Многие уставы и наставления действовали в русской армии на протяжении всего XVIII в. и даже позже. Так, петровская «Книга Устав воинский» в части, которая касалась руководства войсками в военное время, только примерно через столетие, в 1812 г. была заменена наставлением «Учреждение для управления большой действующей армией».

В середине XVIII столетия внимание военных специалистов России в значительной степени было сосредоточено на общих вопросах теории и истории военного дела. Об этом свидетельствует, в частности, поданная генерал-фельдмаршалом Петром Ивановичем Шуваловым (1710–1762 гг.) в Сенат докладная записка «О военной науке». Она включала историческую часть, в которой автор изложил свои взгляды на войну, армию и военное дело в их историческом развитии. П.И. Шувалов полагал, что война свойственна человеческой природе и существует с тех пор, как существуют люди. По существу, она является источником укрепления могущества народов, движущей силой общественного развития или движущей силой «возвеличивания государства» [3,с. 50, 51]. Отсюда им делался вывод о необходимости иметь для России сильную регулярную армию, которая постоянно совершенствовалась бы в своей подготовке, была способна надежно защищать ее интересы.

П.И. Шувалов первым в истории Отечества высказал мысль о важности военной теории, путем разработки которой, как он считал, можно поднять военное искусство, все военное дело до степени науки. Им также был поставлен вопрос о создании в России высшей военной школы – академии военных наук.

Общепризнанным военным авторитетом в 60–70-е годы XVIII в. был генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев (1725–1796 гг.). Он являлся не только выдающимся полководцем своего времени, но и крупнейшим военным теоретиком. Перу П.А. Румянцева принадлежат многие работы, в том числе «Обряд службы» (1770–1772 гг.), принятый в качестве общеармейского устава, а также докладная записка Екатерине II об организации армии, имевшая полное наименование: «Мысли генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского о состоянии армии, об устройстве войск, о содержании их, о построении крепостей, арсеналов, магазинов, о заведении военных школ, о дисциплине и военной полиции, комиссариатах и пр.» (1771 г.).

Военно-теоретические работы П.А. Румянцева по-новому ставили ряд важнейших вопросов. Эти работы явились своеобразным этапом в военной теории, который предшествовал суворовской «Науке побеждать». Глубокий мыслитель, смотревший всегда и раньше всего в «корень» дела, фельдмаршал хорошо понимал самобытность России. Он выдвинул обширную программу переустройства вооруженных сил, в которой, прежде всего, утверждал, что Россия должна иметь свою, отличную от западноевропейской, основанную на национальном опыте военную систему, требовал строить армейский организм с учетом исторических и географических условий страны, предлагал внести усовершенствования в существующую систему комплектования и обучения войск.

Рассуждая о необходимости образовать четыре армии и расположить их в Прибалтике и Финляндии, в районах Украины и Белоруссии, в Поволжье и в центре России, П.А. Румянцев фактически ратовал за учреждение в стране военно-окружной системы.

Общее управление вооруженными силами фельдмаршал считал необходимым осуществлять через «Главное воинских дел правительство», которое должно иметь статус Верховного воинского совета. Совет, по его мнению, следовало подчинить непосредственно главе государства и определить высшим органом управления всеми вооруженными силами страны. Однако автор записки не считал возможным, чтобы этот орган во время войны мог вмешиваться в действия главнокомандующего.

Таким образом, П.А. Румянцев был первым после Петра I военным деятелем, взглянувшим на ратное дело с государственной точки зрения. Он не отрицал связи между стратегией и политикой, отдавая последней ведущую роль. Однако П.А. Румянцев справедливо полагал, что стратегия помимо политики должна исходить также из учета сил и средств страны. По его мнению, военная мощь государства зависела от состояния его экономики, а благосостояние армии – от благосостояния народа. В связи с этим фельдмаршал предлагал соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями страны. П.А. Румянцев, рекомендуя «соразмерно способам и доходам своим ополчаться», считал необходимым «весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей, и деньги» [59, с. 68]

Взгляд П.А. Румянцева на ведение войны основывался на наступательных действиях, на признании решительного сражения важнейшим средством в достижении победы. Фельдмаршал всегда стремился к разгрому живой силы противника в полевом сражении. Именно живая сила,

как он считал, являлась главным стратегическим объектом, от сокрушения которого зависел исход войны. Решительный удар по противнику должен был наноситься сосредоточенными войсками. Не разбрасывать силы, а держать их по возможности совокупно – вот важнейший стратегический принцип П.А. Румянцева, который являлся решительным противником кордонной стратегии.

Вместе с тем фельдмаршал не смотрел на наступательную войну, как на огульное продвижение вперед, в результате которого армия могла оторваться от баз и попасть в тяжелое положение. Он требовал, чтобы наступление сопровождалось закреплением завоеванной территории. В случаях, когда нет возможности действовать против врага «прямым наступлением», П.А. Румянцев предлагал прибегать (и делал это на практике) к различным формам изматывания, в частности к маневрированию, и к нападению на коммуникации противника.

Как и Петр I, П.А. Румянцев высоко ценил русского солдата и придавал первостепенное значение воспитанию в нем чувства воинского долга. В основе воспитания войск он видел моральные качества – нравственный элемент, отделяя при этом воспитание, моральную подготовку от обучения. Свою систему воспитания и обучения П.А. Румянцев также строил на началах сознательности. Он требовал подчинять обучение войск условиям войны, уделял в своих работах большое внимание разработке мер по повышению подвижности армии, достижению стандартизации вооружения и военной техники, организации взаимодействия родов войск и т. д.

Наиболее ярким представителем складывавшейся в XVIII в. отечественной военной школы был великий русский полководец генералиссимус Александр Васильевич Суворов (1730–1800 гг.). Он обладал не только несгибаемой волей и титанической силой характера, но и отличался выдающимся умом и большой эрудицией. Для своего времени Суворов был одним из самых образованных и просвещенных людей. Современники называли А.В. Суворова «ученейшей академией» [23]. Он является автором самого выдающегося произведения русской и мировой военно-теоретической мысли XVIII столетия «Наука побеждать» (1795–1796 гг.). Под указанным названием работа А.В. Суворова впервые была издана в 1806 г. А до этого она была известна в армии как Суворовский устав, распространявшийся в рукописных вариантах. Некоторые из этих рукописей и сейчас можно найти в Российском Государственном военно-историческом архиве. А.В. Суворов считал себя учеником Петра I и фельдмаршала П.А. Румянцева.

А.В. Суворов хорошо понимал значение подлинной теории, которую он рассматривал как систематизированное изложение начал и правил, вытекавших из боевой практики. А.В. Суворов признавал наличие объективных факторов, определяющих практическую военную деятельность. Их изучение и представляло, по его мнению, задачу военной теории. Заслугой А.В. Суворова является то, что он заложил основы новой военной теории, разработал и применил на практике наиболее совершенные для его времени формы и способы ведения вооруженной борьбы. В суворовской «Науке побеждать» воплотились черты передовой стратегии и новой тактики, приходившие на смену застывшим догмам военной мысли феодализма.

Стратегия А.В. Суворова отличалась исключительной активностью и решительностью. На первое место он ставил наступление, как самый активный вид военных действий. По его мнению, только наступлением можно достичь успеха, а судьбу войны должно решить генеральное сражение, которое являлось кульминационным ее пунктом.

Что касается взглядов А.В. Суворова на тактику, то оно было выражено в «Науке побеждать» с предельной четкостью тремя словами: «глазомер, быстрота и натиск». Суворовский глазомер – это точное знание условий, которые могли обеспечить победу. Быстрота – это умение оперативно воспользоваться этими условиями. Натиск – это выражение воли к победе путем решительного поражения противника на поле боя штыковым ударом.

Взгляды А.В. Суворова на роль и место военной теории в практической военной деятельности, многие его стратегические и тактические концепции в дальнейшем получили развитие в XIX в. представителями передовой русской военно-теоретической мысли.

Важно подчеркнуть, что в XVIII в. были заложены и основы отечественной теории военно-морского искусства. Теоретический курс тактики российского флота впервые излагался в труде профессора Морского корпуса подполковника Николая Гавриловича Курганова «Наука морская – сиречь опыт теории и практики управления кораблем и флотом» (1774 г.). Положительным являлось то, что автор работы отошел от идей линейной тактики и обосновал принципы новой маневренной тактики. Ценность теоретических положений Н.Г. Курганова доказал его ученик адмирал Федор Федорович Ушаков (1744–1817 гг.), который на практике применил новые приемы и способы ведения морского боя и организации взаимодействия флота с сухопутными войсками. Кроме того, Ф.Ф. Ушаков и его единомышленники – адмиралы Дмитрий Николаевич Сенявин,

законов природы». И.Г. Бурцов поставил также вопрос о природе войны, рассматривая его с идеалистических позиций. Он считал, что война является неизбежным злом, она вечна, и общество может только на время отдалить это зло.

Ряд новых теоретических положений высказал полковник Павел Иванович Пестель (1793–1826 гг.). Основными его военно-теоретическими работами являлись: «Записка о военных реформах», «Записка о государственном правлении» (1818–1819 гг.) и ряд других.

Под стратегией он понимал науку о войне в целом. Считал, что стратегия определяет способы достижения главной цели войны, а тактика является наукой о бое. Как и некоторые другие декабристы, в частности Н.М. Муравьев и Ф.Н. Глинка, П.И. Пестель он ставил вопросы о взаимосвязи войны и политики, о зависимости военной организации от политического строя государства. Ликвидацию феодальной военной системы он связывал с уничтожением феодально-крепостнического самодержавного строя.

П.И. Пестель признавал необходимость постоянной регулярной массовой армии, способной обеспечить защиту Отечества, разработал четкую структуру не только сухопутных сил (армия, корпус, дивизия, полк), но и флота (флоты и эскадры), ратовал за их создание на основе всеобщей воинской повинности (вместо рекрутских наборов) с сокращением срока службы, настаивал на отказе от комплектования офицерского корпуса по сословному принципу (каждый, сдавший «положенные экзамены», может стать офицером), то есть был сторонником реформ буржуазного характера.

Войну П.И. Пестель подразделял на наступательную и оборонительную, стремился установить соотношение между наступлением и обороной (он считал, что оба эти вида военных действий как бы дополняют друг друга), делал вывод, что при наличии больших по численности армий нельзя рассчитывать на выигрыш войны одноактным действием, то есть одним генеральным сражением. Проигрыш одного такого сражения, считал он, еще не приведет к поражению, так как на пути победителя будут стоять новые резервы.

Декабристы, пытаясь понять природу военных знаний и сформулировать ряд положений по этому вопросу, пришли к пониманию того, что военные знания, сведенные в систему, являются военной наукой. Подчеркивая наличие специфики в военной науке, они не отрывали ее от других областей знания и утверждали общность основных принципов теории познания для всех наук, обращали особое внимание на тесную

Одновременно с военно-теоретической мыслью по поводу армии получили развитие и теории использования российского флота. Весомый вклад в разработку теории тактики парусного флота в начале XVIII в. внес преподаватель Морского кадетского корпуса капитан-командор Платон Яковлевич Гамалея (1766–1817 гг.). На основе глубокого обобщения передового опыта военно-морского искусства он разработал ряд руководящих документов, которые в совокупности составили так называемую «Высшую теорию морского искусства». Этот труд выходил в свет отдельными частями четыре года, с 1801 по 1804 год. На основе изложенных в труде теоретических положениях позднее выросла целая плеяда известных русских флотоводцев. Например, М.П. Лазарев, П.С. Нахимов и В. А. Корнилов.

Первая половина XIX в. в истории русской военной мысли характерна также возникновением военной истории как одной из отраслей военной науки, закладыванием основ военной педагогики, теории военно-инженерного дела, организации тыла и снабжения, управления войсками.

В 1832 г. в России была основана Императорская военная академия (с 1855 г. Николаевская академия Генерального штаба), в которой образована кафедра стратегии, истории военных походов и военной литературы (с 1833 г. кафедра военной истории и стратегии). В лекциях и пособиях по истории военной литературы слушателям давались сведения о стратегических взглядах, принципах и правилах, разработанных выдающимися военными деятелями и мыслителями прошлого. Это оказало положительное влияние на развитие отечественной военной науки и совершенствование исторического метода исследования в военной области.

Однако в настоящий «умственный центр армии», как ее иногда называли, академия Генерального штаба превратилась только к концу XIX в. В академии широко обсуждались важнейшие вопросы военного дела, ее ученые создали значительные, в том числе и коллективные, труды и руководства по стратегии, тактике, военной истории. Можно сказать, что к работе в академии был привлечен весь цвет русской военной интеллигенции. Популярность академии в стране и армии была очень велика.

Крупным коллективным достижением отечественной военно-теоретической мысли середины XIX в. стал «Военный энциклопедический лексикон», 1-й том которого вышел в 1837 г., а последний 14-й – в 1852 г., т. е. через 15 лет. Значимость труда была настолько высока, что в последующие семь лет он был переиздан.

«Они (правители. – Авт.) ощущают и видят своё могущество, лишь разрушая согласие в народе, а когда это согласие нарушено, они втягивают и вовлекают народ в войну, чтобы ещё свободнее и легче грабить и истязать несчастных людей»

Эразм Роттердамский
(1469–1536)

ГЛАВА 4

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЗАПАДНОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Во второй половине XIX – и особенно в XX в. происходит улучшение техники военно-исторических исследований, обогащение их новыми техническими приемами. Вместе с тем философско-исторический и общеметодологический уровень отстает от уровня эмпирических исследований в военно-исторической науке. С возникновением в Европе марксизма, основной фронт идеологии во всех развитых странах был повернут против рабочего класса и его «научной идеологии», как стали называть теорию Маркса.

По мере обострения классовых отношений буржуазии и пролетариата, господствующая идеология становилась все более реакционной, она неуклонно отдалялась от лучших идей и традиции просветительской и диалектико-идеалистической философии.

Все это самым отрицательным образом сказалось на состоянии и философско-теоретическом уровне военно-исторической науки, ее развитии во второй половине XIX в. и особенно в XX в.

4.1. Влияние философско-социологических концепций XIX–XX вв. на военно-историческую науку

Военные историки XIX в. впитывали и перерабатывали, в соответствии со спецификой своей науки те философские и социологические учения, которые получили распространение и в наибольшей мере отвечали духу эпохи. Наибольшее воздействие на военную историографию оказали позитивизм и волюнтаристско-иррационалистические течения философии и социологии.

Родоначальник позитивистской философии и социологии Огюст Конт (1798–1857 гг.) пытался сформулировать принципы «совершенно новой» философии и социологии, основанные на «положительном знании». Его апелляция к фактам, эмпирическому материалу как фундаменту научного исследования, признание прогресса в истории и закономерности социальной структуры и социального развития оказали в известной мере положительное влияние на социологию и историческую науку. Вместе с тем эти идеи были связаны у позитивистов с идеалистическим и натуралистическим подходом к общественным явлениям и отрицанием возможности проникновения в их сущность.

Прогресс общества Конт считал простым продолжением процесса развития в органической природе, а факторами прогресса объявлял природные условия, рост населения, изменения в разделении труда. Основные импульсы и направление прогресса дает, по его мнению, человеческий дух; сначала изменяются идеи, затем нравы людей и, наконец, изменяются общественные, в том числе политические и военные институты. Пытаясь уйти от субъективного идеализма, он вв ел в свое объяснение «механики» развития общества действие на него закона инерции, закона равенства действия и противодействия, принцип связи движения и равновесия. В этом состоит такая характерная черта позитивизма, как сочетание идеализма с натурализмом и механицизмом, неправомерное распространение на общество законов природы. В своем развитии общество, по Конту, проходит три стадии: военную, переходную и научно-промышленную, которым соответствуют теологическая, метафизическая и позитивная стадии развития ума. Рассматривая научно-промышленную стадию, т. е. капитализм, как закономерный итог и вершину развития общества, он утверждал, что роль военной промышленности переходной стадий заключалась в подготовке условий для развития индустрии: «Материальная эволюция общества долго требовала преобладания военного строя: только под его покровительством могла развиваться промышленность» [55, с. 111].

Конт отмечал тесную взаимосвязь между военным режимом, с одной стороны, и господством военного духа и религиозного мировоззрения – с другой. При этом в ходе эволюции человеческого общества происходила, по его мнению, постепенная замена наступательной военной организации оборонительной, а затем – все большее подчинение военного духа промышленному, замена теологического и метафизического мышления научным. Период наполеоновских войн он рассматривал как досадный рецидив военной стадии развития общества. С переходом об-

щества в научно-промышленную стадию основная историческая задача военной деятельности, считал Конт, уже выполнена. Тем не менее его «позитивная» философия «оправдывает назначение армии для поддержания материального порядка», т. е. капиталистического строя. В этой концепции отражался взгляд на войну и армию либеральной буржуазии в эпоху относительно «мирного», домонополистического развития капитализма.

Идеолог английской буржуазии Герберт Спенсер (1820–1903 гг.) развивал позитивистскую философию и социологию, в основном повторяя учение Конта о военном и промышленном типах организации общества. Спенсер вв ел в социологию позитивизма ряд новых элементов, которые усиливают ее реакционную и агрессивную направленность. Он разработал вульгарно-эволюционистское понимание развития – наиболее характерную форму метафизики в буржуазной философии и социологии второй половины XIX–XX в. Эволюцию человеческой истории он трактовал как процесс концентрации, оправдывая таким образом колониальную экспансию английского империализма; движущей силой общественного развития считал «борьбу за существование» и отбор более жизнеспособных индивидов и наций. Спенсер является основоположником органической школы социологии, уподоблявшей общество биологическому организму и распространявшей на социальную жизнь биологические закономерности. Эта школа и родственные ей «социал-дарвинизм», расово-антропологическая школа и другие антинаучные биологические теории общества непосредственно использовались идеологами милитаризма, в том числе многими военными историками, для оправдания агрессивных войн, обоснования империалистической военной политики. Эволюция позитивизма в эпоху империализма заключалась в том, что он приобретал все более реакционный и антинаучный характер. В конце XIX и в начале XX в. появилась новая форма позитивизма – махизм (эмпириокритицизм). Со второго десятилетия XX в. возникают различные варианты неопозитивизма – логический позитивизм, лингвистическая философия и другие, которые абсолютизируют методы конкретных наук (математической логики, лингвистики) и с этих позиций пытаются интерпретировать методологические проблемы других наук, в том числе исторической.

Привлекая внимание ученых к фактам и в известной мере способствуя накоплению фактических знаний и развитию конкретных наук на эмпирическом уровне, позитивистская философия в то же время, объявляет принципиально непознаваемой сущность бытия, природы и общества,

полагает неразрешимыми и другие традиционные философские вопросы. Такой подход к науке вполне соответствует интересам власть придержащих. Поэтому вопросы о сущности войны как социального явления, о коренных причинах и закономерностях ее возникновения и многие другие философские проблемы войны, армии, военной науки с точки зрения позитивизма являются «псевдопроблемами», не достойными внимания исследователей. Закрывая путь научному познанию этих вопросов, позитивисты тем самым открывают дорогу для их антинаучного «освещения», отвечающего классовым интересам реакционеров.

Особая активность и высшая степень антинаучности и реакционности присуща представителям волюнтаристско-иррационалистической философии. Соглашаясь с позитивистами в том, что философские вопросы невозможно познать при помощи науки, разума и логики, потому что они по своей природе будто бы иррациональны, неразумны, эти философы заявляют, что «особым» путем, при помощи интуиции, чувственного созерцания, воли, инстинкта или же посредством божественного «откровения», в их действительную природу все же можно проникнуть некоторым лицам, обладающим сверхъестественным даром. К таким лицам, перед которыми открывается недоступная для обычного разума подоснова бытия, философы-иррационалисты причисляют, естественно, прежде всего себя. Они изрекают «истины», не считая нужным и возможным их логически доказывать.

Родоначальником волюнтаристического иррационализма является немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860 гг.), объявивший иррациональную волю абсолютным началом и внутренней сущностью мира как целого и любого частного явления природы и общества. Но наиболее характерное выражение эта философия получила в учении Фридриха Ницше (1844–1900 гг.), который расшифровывал понятие иррациональной воли как «воля к власти». Движущей силой мира, писал он в работе «Воля к власти», является «некоторая внутренняя воля, которую я называю «волей к власти», т. е. ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью как творческий инстинкт и т. д.» [37, с. 298]. «Воля к власти», утверждал Ницше, лежит в основе того, что физики называют «силой» [37, с. 298] она внутренне присуща всему неорганическому и особенно органическому миру: «...Сама жизнь есть желание власти» [38, с. 25].

Эти положения Ницше положил в основу своего учения о человеке, познании, обществе и войне. Рассуждая о психологических основах поведения человека в обществе, он утверждал: «...Воля к власти есть

примитивная форма аффекта... все иные аффекты только ее видоизменения» [37, с. 337]. Волевые качества человека он ставил гораздо выше его разума. Разум – всего лишь слуга «воли к власти»; он помогает ориентироваться в жизни, овладевать жизненно необходимыми вещами, но созданные им научные понятия, категории и законы являются фикциями, полезными выдумками. Решающую роль в познании «текучей» и «хаотичной» действительности играет не разум, а инстинкт и интуиция.

Высшим типом человека Ницше объявил «сверхчеловека» – сильную личность, одержимую волей к власти. Войну он рассматривал как неизбежное следствие и проявление воли к власти и господству. В его учении нашло свое философское выражение вступление германского империализма в борьбу за европейскую и мировую гегемонию.

Ницше бил в набат по поводу «изнеживающего», по его мнению, влияния цивилизации на людей и призывал к большой и жестокой войне как единственному средству, которое еще может «спасти» Европу: «Нам неведомы иные средства, которые могли бы так же сильно и верно, как всякая великая война, внушить слабеющим народам такую грубую походную энергию, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души... Такое высокоразвитое и поэтому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне – т. е. во временном возврате к варварству» [37, Т. 3, с. 277].

В сочинениях Ницше содержатся самые различные «обоснования» неизбежности и желательности войн: социал-дарвинистские, культурно-этические, расистские, квазидиалектические и многие другие. Они легли в основу одного из самых реакционных явлений в культурной жизни Европы и особенно Германии первых десятилетий XX в. Оно представляло собой продукт приспособления отдельных сторон и идей философии Ницше, с одной стороны, к потребностям национализма и милитаризма, получивших законченное выражение в фашизме, а с другой стороны – к декадентскому эстетству начала века. На первый план в ницшеанстве выступали моральный релятивизм, человеконенавистнические идеи, волюнтаризм, идеи сильной личности, расизм и антисемитизм, получившие глубокую и обстоятельную критику в трудах марксистов. В них отмечались антинаучный и реакционный характер ницшеанства,

его опасность как идеологии, которую могут использовать и использовали откровенные реакционеры и фашисты.

Ницше был одним из духовных вождей крайне реакционного и агрессивного «пангерманизма» и оказывал влияние на милитаристскую литературу. Крупнейший идеолог германского милитаризма фельдмаршал Шлиффен был внимательным читателем Ницше и много занимался философией, особенно в последние годы своей жизни. Военно-исторические труды Шлиффена, как и многих других военных историков германского империализма, носят на себе печать влияния волюнтаристско-иррационалистической философии вообще, Ницше в особенности.

Наиболее популярным представителем волюнтаристско-иррационалистической линии в «философии жизни» в 20-х годах XX в. был О. Шпенглер (1880–1936 гг.). Милитаристская сущность его философии ярко выражена в формуле: «Война есть вечная форма высшего человеческого бытия, и государства существуют ради войны» [73, с. 46].

Волюнтаризм и иррационализм достигли своего апогея в немецко-фашистской «философии», в которой были использованы в крайне огрубленном виде наиболее реакционные положения «философии жизни», особенно ницшеанский культ «силы», «воли» и войны. Все это сочеталось с человеконенавистнической расовой «теорией», социал-дарвинизмом, геополитикой, ярым антикоммунизмом и служило теоретической основой нацистской военной историографии.

Наряду с волюнтаристско-иррационалистической и позитивистской формами идеализма в буржуазной философии второй половины XIX и в XX в. существовало и существует множество других философских школ и течений, которые в той или иной мере сочетают в себе черты и элементы рассмотренных двух наиболее характерных форм и течений. Так, американский, прагматизм является разновидностью позитивизма, но с сильно выраженными чертами волюнтаризма и иррационализма. Философия А. Бергсона (1859–1941 гг.), оказавшая большое влияние на философско-социологическую и историческую мысль Франции и ряда других стран, весьма близка к немецкой «философии жизни», но в ней особо подчеркнута роль интуиции как иррациональной формы постижения действительности.

На методологию буржуазной общей и военной историографии эпохи империализма значительное влияние оказала также неокантианская философия. Она занимает своеобразное положение между позитивизмом и иррационализмом, не примыкая непосредственно ни к первому, ни ко второму; вместе с тем она в своих выводах и в приложении к историче-

Теория насилия, биологические (социал-дарвинистские, органицистские), географические (геополитические), расистские, психологические, волюнтаристические, иррационалистические, социально-этические концепции нашли свое место в фашистской, особенно германской, военной доктрине. При этом взято из них было все то, что подкрепляло фашистскую военную идеологию. Поэтому в фашистской интерпретации эти концепции приобрели до крайности циничный, человеконенавистнический смысл.

Генерал Э. Людендорф – автор теории «тотальной войны» – в своих многочисленных военно-исторических и теоретических трудах, изданных в период между первой и второй мировыми войнами, стремился доказать, что соотношение между политикой и войной в Новое время существенно изменилось. Он заявлял, что политика, как и война, должна принять тотальный характер, целиком и полностью поставив себя на службу подготовки и ведения войны. По его мнению, война имеет примат над политикой, и «политика должна служить ведению войны» [90, s.10].

В полном соответствии с этой концепцией журнал «Дейче вер» писал: «Мир следует подчинить требованиям войны. Война есть тайный повелитель нашего столетия, мир означает только простое перемирие между двумя войнами» [103, s. 276].

Политические и военные лидеры нацистской Германии, а вслед за ними и военные историки не только восприняли формулу Людендорфа о соотношении войны и политики, но и вложили в нее еще более агрессивное содержание. Еще в 1929 г. в программном заявлении национал-социалистской партии о военной политике говорилось, что борьба между людьми и нациями за существование – всеобщая необходимость, и потому «в действительности нет никакого различия между миром и войной» [103, s. 276].Воззрения Гитлера, Кейтеля на политику и войну сводились, по свидетельству немецкого военного историка В. Гёрлица, к тому, что «политика в сущности всегда есть война» [89, с. 265].

Военные историки и теоретики Франции, Англии, США, как правило, избегали одиозных, яро-агрессивных и человеконенавистнических суждений о войне. Но пропаганда теории насилия была характерна и для военно-философских концепций названных государств. Например, американский военный идеолог А. Мэхэн и другие накануне Второй мировой войны рассматривали войну как один из наиболее эффективных способов борьбы против социализма. Мэхэн проповедовал, что война есть «истинное противоядие» против социализма, и открыто выступал за

усиление вооружений. Прекращение гонки вооружений, по его мнению, могло привести к «социалистическому сообществу государств, в котором силы индивидуальной инициативы государств и людей и величайшие достижения цивилизации» исчезнут, а народы будут деморализованы «потоком социалистических мероприятий» [92, p.p. 122, 264, 265].

Французские и английские военные историки обычно не столь категорично и откровенно пропагандировали идею вечности и благотворности войн. Они нередко критиковали излюбленный и традиционный тезис германских милитаристов: «сила превыше права», отстаивая таким образом «права» колониальных держав, незыблемость их завоеваний и территориальных приобретений. Апология «права» сочеталась у военных историков Англии, Франции, США с апологией «силы». Характерно заключение Фуллера в книге об опыте применения танков в Первой мировой войне. Вывод из приведенных им исторических примеров сводится к тому, что «войны будут ограничены не словами, трактатами или лигами наций, а оружием – лигами танков, аэропланов и подводных лодок, которые сделают сопротивление безнадежным или возмездие настолько ужасным, что нации подумают не раз, прежде чем решиться на войну» [66, с. 262].

Поражение стран фашистского блока во Второй мировой войне, крах идеологии фашизма не привели к исчезновению агрессивных и реакционных концепций по вопросам происхождения, сущности и общественной роли войн. Урон понесли главным образом те концепции, которые больше всего были скомпрометированы непосредственной связью со специфической фашистской идеологией: расизм в его вульгарно-биологической форме, социал-дарвинизм, немецкий вариант геополитики. Но и они в подновленном виде продолжали использоваться милитаристами как в Западной Германии, так и в ряде других капиталистических стран. В неофашизме они находят своего главного носителя.

После Второй мировой войны главной силой милитаризма стали США. В эту страну переместился и центр идеологии войны. Влияние американской философии войны стало заметным в других странах.

Важнейшей философско-социологической основой военных доктрин по-прежнему остается теория насилия. Она используется для подкрепления «политики силы», которая возводится в ранг официальной доктрины. Американские военные историки и теоретики нередко откровенно пропагандируют идею завоевания Соединенными Штатами мирового господства. Генерал Брэдли писал: «Бесспорно, что наша судьба – господствовать над миром» [80, p. 230]. В первые послевоенные

десятилетия эта идея находила определенную поддержку и у некоторых военных идеологов других государств. Д. Фуллер, например, в книге «Вооружения и история» утверждал, что в послевоенном мире существуют только две перспективы – «либо мир советский, либо мир американский» и что решение этого вопроса «зависит главным образом от вооружений», поскольку именно вооружения «являются основным судьей в век силы» [84, p. 188].

Теория насилия лежит в основе доктрины «политического реализма», оказывающей огромное влияние на формирование внешней и военной политики США. Эта доктрина с 50-х годов XX века разрабатывалась видными американскими политическими и военными идеологами, прежде всего Центром по исследованию внешней и военной политики США при Чикагском университете во главе с его руководителем Г. Моргентау. Историки и теоретики в области международных отношений, военной политики и стратегии: Д. Кеннан, А. Шлезингер-младший, Р. Страус-Хюпе, С. Поссони, А. Тойнби, генерал М. Тэйлор, Г. Киссинджер, Герман Кан, генерал-лейтенант в отставке Д. Гэвин и другие относятся к числу приверженцев доктрины «политического реализма» [47, с. 3–7]. Определяющим фактором общественно-исторического развития сторонники этой доктрины считают борьбу за власть, силу, господство, которая обусловливается-де самой «человеческой природой». «Стремление людей к власти... – утверждает Моргентау, – это всепроникающий факт, отражающий самую сущность человеческого существования» [47, с. 19]. Стремление к власти и господству он «обнаруживает» даже у животных.

Говоря о силе как решающем факторе политических отношений между государствами, «политические реалисты» имеют в виду прежде всего основной инструмент войны – армию. С этих позиций они оправдывают гонку вооружения.

Идентичные или же близкие к американской доктрине «политического реализма» идеи разрабатываются и пропагандируются в других империалистических государствах: в Англии, например, в трудах историка Карра и военного историка и теоретика А. Бьюкена, во Франции – социолога Р. Арона и военного теоретика Бофра. В Западной Германии теория насилия имеет особенно давние и глубоко укоренившиеся традиции, которые развиваются в различных учениях, в том числе неоницшеанского и экзистенциалистского толка. Эти учения широко используются в качестве теоретической основы при освещении проблем военной истории, особенно таких, как история войн и вооруженных сил.

переосмыслить историю в духе созданного ими диалектико-материалистического мировоззрения, и прежде всего материалистического понимания истории. «Всю историю, – писал Энгельс, – надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [33, Т. 37 с. 371].

К. Маркс и Ф. Энгельс исследовали основные проблемы исторического развития военного дела.

Опираясь на свое мировоззрение и методологию, они разработали конкретные вопросы истории войн, вооруженных сил, военного искусства, вооружения и военной техники, истории военной науки и военной историографии. Вопросы военной истории освещались ими как в специальных военно-исторических и военно-теоретических трудах, так и в произведениях, посвященных общим вопросам теории, идеологии и политики.

Марксизм со своей классовой позиции определил роль и место военно-исторических событий в истории общества, их связь с другими сторонами социальной жизни.

Для домарксистской историографии характерна абсолютизация политических и военных событий в ходе истории. Абсолютизация роли насилия в истории приводила к тому, что всеобщая история сводилась главным образом к политической истории, а события и процессы военной истории рассматривались вне связи с экономическим, политическим и духовным развитием общества.

Классики марксизма подвергли критике идеалистическую теорию насилия. Этому вопросу Ф. Энгельс посвятил три главы книги «Анти-Дюринг». Критикуя Дюринга, утверждавшего, что все экономические явления подлежат объяснению политическими причинами, а именно насилием, Энгельс показал, что «экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая». Насилие, продолжал он свою мысль, не есть просто волевой акт, оно требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления – известных орудий, оружия, которые должны быть произведены, «а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия.

Насилие – это в настоящее время армия и военный флот... Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армии и флот. Воору-

жение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [33, Т. 20, с. 170–171].

Анализируя социальную структуру первобытного родового общества, классики марксизма показали, что оно не знало социального неравенства, классов, государства и политических отношений. В нем не было и армии как особой военной организации. Для охоты, защиты от нападений диких зверей, захвата и защиты естественных условий существования каждый род, племя имели «самодействующую» вооруженную организацию всего взрослого населения, которая не могла служить орудием угнетении соплеменников или населения других племен. Вооруженные столкновения между племенами, которые Ф. Энгельс иногда называет «войной», имели совершенно иной характер, чем война в классово-антагонистическом обществе. Они не носили политического, классово-антагонистического характера. К. Маркс характеризовал их как особый вид труда, имевшего своей целью захват объективных условий существования, их приобретения и удержания [33, Т. 46, Ч. 1, с. 480]. Не было тогда и специального оружия для ведения войны: вооруженная борьба между племенами велась орудиями труда, охоты.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Ф. Энгельс подробно и глубоко анализирует общественно-исторические условия, и которых зарождались война и армия. На определенном этапе первобытного общества развитие производства привело к появлению частной собственности, социального неравенства, разделения общества на классы, к возникновению эксплуатации человека человеком и классовой борьбы. Это с необходимостью вызвало возникновение государства как аппарата классового господства со всеми его органами насилия и угнетения. Возникла армия как особая организация вооруженных людей для поддержания господства эксплуататорского класса внутри страны и для осуществления его политики по отношению к другим государствам и народам. Возникает война как способ осуществления политики насильственными средствами, при помощи вооруженной борьбы. Ф. Энгельс конкретно и подробно анализирует этот процесс в период возникновения Афинского государства. «Как развивалось государство, – пишет он, – частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти; как место подлинного «вооруженного народа», защищавшего себя собственными силами в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооружен-

ная «публичная власть», которая была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа, – все это, по крайней мере в начальной стадии, мы нигде не можем проследить лучше, чем в Древних Афинах» [33, Т. 21, с. 109]. Процесс разложения родового строя, образования антагонистических классов и государства, возникновения армий и войн прослеживается Ф. Энгельсом также у римлян, кельтов и германцев [33, Т. 21, с. 120–155].

В статьях для «Новой американской энциклопедии», написанных Ф. Энгельсом в содружестве с К. Марксом («Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Военно-морской флот», «Сражение», «Атака» и другие, составившие четырнадцатый том сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), военно-исторический аспект является доминирующим как по содержанию, так и по способу изложения материала. В них дана широкая и цельная картина исторического развития армии, флота, различных родов войск, а также рассматриваются основные этапы истории военного искусства и истории военной техники. При этом конкретный военно-исторический материал осмысливается с позиции диалектического и исторического материализма, делаются глубокие обобщения, раскрываются основные закономерности развития военного дела с древних времен до середины XIX в.

Широкое освещение в трудах основоположников марксизма получила история войн. Они дали принципиальную оценку войнам французской революции и наполеоновским войнам, весьма подробно осветили истории Крымской войны (1853–1856 гг.), Гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.), франко-прусской войны (1870–1871 гг.), раскрыли их политический характер, сущность и социально-экономические корни.

Ф. Энгельс в труде «Крестьянская война в Германии» анализирует социально-экономическое развитие Германии в XV и начале XVI в., положение и борьбу различных классов в стране. Это позволило раскрыть материальные причины возникновения этой войны, дать правильную оценку борющимся сторонам, вскрыть причины поражения крестьянского восстания.

Ф. Энгельс убедительно доказывает, что «и во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требовании отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объ-

сняется условиями времени» [33, Т. 7, с. 359–360]. Соотношение классовых сил в Германии первой четверти XVI в. обусловило ход и исход вооруженной борьбы. В борьбе против восставших крестьян объединились все силы старого, феодального общества, независимо от религиозного вероисповедания. Германия тогда еще не созрела для победы буржуазной революции и тем более для осуществления политической программы предводителя крестьян и городского плебса Томаса Мюнцера» [33, Т. 7. с. 371]. Поэтому, несмотря на огромный размах крестьянского восстания и успешные боевые действия отдельных отрядов, особенно возглавляемых Гейсмайером, обладавшим «незаурядным военным дарованием», [33, Т. 7, с. 429] оно закончилось поражением.

В предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» Ф. Энгельс писал, что в этой работе стремился «объяснить происхождение Крестьянской войны, позиции различных выступавших в ней партий, политические и религиозные теории, с помощью которых эти партии пытались уяснить себе свои позиции, наконец, самый исход борьбы – как необходимое следствие исторически существовавших условий общественной жизни этих классов; я пытался показать, таким образом, что политический строй Германии того времени, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение» [33, Т. 16, с. 413].

Замечательные очерки К. Маркса и Ф. Энгельса о Крымской войне 1853–1856 гг., колониальных войнах Англии, о походах Гарибальди, Гражданской войне в США 1861–1865 гг., австро-прусской войне 1866 г., франко-прусской войне 1870–1871 гг. и другие вошли в золотой фонд военно-исторической литературы [29, с. 208].

К. Маркс, Ф. Энгельс давали в своих публикациях реальную картину общего хода войны, ее причин, политической сущности, характера, соотношения сил борющихся сторон, ее вероятного исхода, социальных последствий и места войны в данной эпохе.

К. Маркс и Ф. Энгельс с вниманием следили за ходом событий в Гражданской войне и США. В своих трудах они проанализировали причины её возникновения, ход и исход вооруженной борьбы, политические, военно-стратегические, тактические и военно-технические уроки, вытекающие из этой войны. Так, в статье К. Маркса «Гражданская война в Соединенных Штатах» дается точная оценка причин и характера данной войны. Она возникла вследствие обострения противоречий между ра-

бовладельческой и буржуазной системами производства. «Современная борьба между Югом и Севером, – писал К. Маркс, – есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем – системы рабства и системы свободного груда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы но могут более мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем» [33, Т. 15, с. 355].

К. Маркс убедительно опровергает те версии о причинах и характере войны, которые выдвигались тогда публицистами и политиками. Одни говорили, что это просто война из-за тарифа, борьба между покровительственной системой и системой свободной торговли. Другие – что это борьба за насильственное сохранение Союза штатов, что она возникла из-за притязаний Северных штатов на свое верховенство. Эти версии прочно вошли в историографию США.

Огромное значение для военно-исторической науки имеют работы основоположников марксизма о франко-прусской войне 1870–1871 гг. В труде К. Маркса «Гражданская война во Франции» и в многочисленных статьях Ф. Энгельса была дана оценка характера франко-прусской войны и подробно освещен ее ход, исход и социальные последствия. Основоположники марксизма показали, как и в силу чего эта вначале в известном смысле «оборонительная» со стороны Германии война превратилась в войну захватническую, направленную против французского народа. Ими были раскрыты причины поражения бонапартистской Франции. Уже в начале войны Ф. Энгельс писал, что «армия Второй империи до сих пор терпела поражения от самой же Второй империи» [33, Т. 17, с. 21]. Бонапартистский режим Наполеона III пытался найти выход из внутреннего кризиса монархии на путях военной авантюры. Однако глубокий политический кризис Второй империи, разгул спекуляции и коррупции неизбежно должны были сказаться на боеспособности главной опоры этого режима – армии. Недостатки организации и снабжения армии, бездарность командования, стратегические и тактические ошибки, деморализация войск после первых же неудач – все это было неизбежным результатом морально-политического кризиса бонапартистского режима.

Энгельс подверг критике попытки Наполеона III и его окружения «объяснить» причины разгрома французской армии и капитуляции в Седане. Эти самооправдания во многом напоминают тезисы некоторых современных историков, «объясняющих» причины поражения немецко-фашистского вермахта. Поэтому глубокие и в то же время саркастические замечания Ф. Энгельса звучат весьма актуально и поныне. Например, на

ссылки на погодные условия и неосведомленность о силе противника, как факторы, «помешавшие полету императорского орла навстречу победе», Ф. Энгельс замечает, что «плохая погода была одинаковой для обеих сторон» и что если генералы не имеют необходимых данных о противнике, «то это их собственная вина» [33, Т. 17, с. 164]. Вместе с тем основоположники марксизма решительно осудили варварский способ ведения войны со стороны Пруссии, в особенности зверства и жестокости по отношению к французскому Движению сопротивления. «Дело обстоит так, – писал Ф. Энгельс, – что своими зверствами и жестокостями пруссаки не только не подавили народного сопротивления, но удвоили его энергию» [33, Т. 17, с. 188]. Вспыхнула партизанская война против прусско-германских оккупантов. Для оценки значения народной войны против захватчиков Ф. Энгельс обращается к военной истории. Он подчеркивает законность этой формы народного сопротивления захватчикам и напоминает, что и в Пруссии была в свое время использована эта форма вооруженной борьбы против наполеоновской оккупации. «Теоретиком движения вольных стрелков, великим философом-франтирером среди них» тогда выступил прусский генерал (впоследствии фельдмаршал) А.Н. фон Гнейзенау [33, Т. 17, с. 208], стремившийся обобщить и применить в борьбе против Наполеона I опыт партизанской войны в Испании и в России. Однако прусский король был напуган народным движением сопротивления. «Позволить самому народу вести борьбу без повелений короля было совсем не в прусском духе» [33, Т. 17, с. 210]. Во Франции борьба против немецких оккупантов слилась с борьбой пролетариата против буржуазии, которая стала на путь национального предательства и союза с оккупантами в борьбе против Парижской Коммуны.

Труды основоположников марксизма свидетельствуют не только о влиянии философии диалектического и исторического материализма на созданную ими военно-историческую науку, но и обратном воздействии военной истории на философию. Исследование истории войн, армий, военного дела давало К. Марксу и Ф. Энгельсу богатейший конкретный материал для разработки философско-социологического учения о войне и армии. Положения о происхождении, сущности, социальном характере войны и армии, о войнах справедливых и несправедливых и т. д. были сформулированы ими и получили дальнейшее развитие па основе обобщения огромного эмпирического материала военной истории. Более того, материалистическая диалектика и материалистическое понимание истории развивались и проверялись ими, и частности, в процессе исследования военной истории. В письме по поводу статьи Ф. Энгельса

«Армия» К. Маркс писал: «История армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений» [33, Т. 29, с. 154]. В книге «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс ссылается па военно-исторические факты для подтверждения действия законов диалектики и положений исторического материализма.

5.3. Развитие военно-исторической науки в России в первой половине XX века

Диалектико-материалистический анализ многих войн, особенно русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, явился основой дальнейшего существенного развития истории и философии военной науки вообще, марксистского учения о войне и армии в частности. Большая заслуга в дальнейшем развитии марксистских положений о сущности, характере и роли войн в истории России принадлежит В. И. Ленину. Особенно большое внимание он уделяет этим проблемам в период Первой мировой войны, когда верное понимание данных проблем приобрело решающее значение для выработки политической стратегии и тактики партии рабочего класса в России и борьбы против монархизма.

Развивая марксистское учение о войне и армии, В. И. Ленин опирается на глубокое знание военной истории. Он был хорошо знаком с такими трудами, как «Стратегия» Блюма, «Военное дело и ведение войны в наше время» Р. Гюнтера, «Основные принципы войны» Фридриха II, «История прусской войны» Г. Мольтке, трудом К. Клаузевица «О войне».

В лекции «Война и революции» (1917 г.) В. И. Ленин указывает на основной водораздел между марксистским и буржуазным взглядами на войну: «Мне кажется, что главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров... – это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали» [29, Т. 32, с. 77].

С позиции диалектики В. И. Ленин вел борьбу против эклектики и софистики в понимании войн. Приемы эклектики и софистики широко использовались в оценке, прежде всего, Первой мировой войны.

В своих трудах В. И. Ленин дал образец анализа фактов и событий военной истории и тесной связи со всей своей политической, военно-организаторской и теоретической деятельностью.

О том значении, которое придавал В. И. Ленин опыту военной истории, свидетельствуют его работы и выступления по вопросу о Брестском мире. В годы борьбы против контрреволюции в России основное внимание он уделяет изучению и обобщению опыта Первой мировой и Гражданской войн. Не случайно в Программе партии, принятой VIII съездом РКП (б) в марте 1919 г., записано: «Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны» [27, с. 46]. В письме В.В. Адоратскому в апреле 1920 г. В. И. Ленин не только указывал на необходимость сбора материалов по истории Гражданской войны, но и спрашивал, чего не хватает, и «могу ли я помочь достать недостающее?» [29, Т. 51, с. 176].

Вопросы, связанные с созданием военно-исторических трудов в годы Гражданской войны, были предметом обсуждения на заседаниях Высшего Военного» Совета. На одном из них были приняты предложения военного руководителя Совета М. Д. Бонч-Бруевича, который в записке от 4 августа 1918 г. предлагал: немедленно приступить к составлению краткого стратегического обзора мировой войны; разработать достаточно полную общую программу описания и исследования всей войны; предусмотреть этой программой необходимость практических выводов [72].

Важным направлением военно-исторической науки в России в 20-е годы было изучение боевого опыта Первой мировой войны 1914–1918 гг. Мерным обобщающим фундаментальным трудом, освещающим весь ход мировой войны, был «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.», изданный и семи частях. Хотя в нем освещалась в основном оперативная сторона и не подводились итоги деятельности командования, тем не менее он сыграл положительную роль как первый опыт обобщения истории первой мировой войны. Издан был также ряд монографий по отдельным операциям и кампаниям [6].

Другим важным направлением военно-исторических исследований являлась история Красной Армии, история вооруженной борьбы против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции. Однако серьезных результатов не было достигнуто из-за отсутствия документальной базы. К концу Гражданской войны количество и качество военно-исторических работ заметно выросло.

С большим знанием дела были написаны труды С.И. Гусева, С.С. Каменева, Н.И. Подвойского, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана [17] и др. Появились работы об опыте строительства и боевой деятельности Красной Армии [63].

Новый этап развития военно-исторической науки начался после окончания Гражданской войны. Сложились необходимые условия для того, чтобы помочь перешедшим па сторону Советской власти ученым овладеть диалектико-материалистической философией. Решался вопрос и о подготовке военных историков из рабочих и крестьян. Трудности в решении этих задач усугублялись острой идеологической борьбой в стране.

Решению важной для военно-исторической науки задачи по разработке ее методологических основ и более эффективному использованию военно-теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в исследовании проблем военной истории способствовали речи и труды М.И. Калинина, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина, М.В. Фрунзе и др. Многое сделал в этом отношении выдающийся полководец М.В. Фрунзе. В его трудах содержался марксистский анализ ряда важнейших событий отечественной и зарубежной военной истории.

В связи с разработкой новых уставов и наставлений Красной Армии были достаточно широко и полно использованы опыт военной истории и выводы из нее. 15 января 1925 г. помощник начальника штаба РККА М.Н. Тухачевский в докладной записке в Реввоенсовет СССР указывал на необходимость тесной связи теоретической разработки вопросов стратегии и тактики, подготовки уставов с военно-исторической работой, «которая дает необходимые предпосылки и для этого дела» [72].

Здесь же М. Н. Тухачевский высказал мысль о создании особого Управления по исследованию и использованию опыта войн при штабе РККА, которое и было создано в начале 1925 г. Основной задачей сформированного Управления являлось «научное освещение проблем современного военного дела, выдвинутых на очередь дня опытом прошлых войн». В состав Управления входили военно-исторический, военно-научный и уставной отделы, объединившие, как отмечал М. Н. Тухачевский, «все вопросы военной литературы, как исторической, так теоретической и уставной» [72].

В последующем военно-исторические исследования были направлены на обобщение опыта Первой мировой и Гражданской войн, теоретическое изыскание в области стратегии и общей тактики, содействовали военно-научной подготовке командного и политического состава армии.

Большую роль в развитии военно-исторической науки в России первой половины XX в. и ее философско-методологических основ сыграли исследовательские центры, учреждения и организации. В этом отноше-

нии показательна деятельность Военно-научного общества при Академии Генерального штаба.

Членами Военно-научного общества являлись преподаватели академии и ее слушатели. Его отделения функционировали в округах, армиях, высших военно-учебных заведениях и других военных организациях. Общество имело своих представителей в Реввоенсовете Республики, в редакциях военных журналов «Война и революция», «Военный вестник». Широкое пополнение рядов общества военнослужащими Красной Армии, преподавателями и слушателями военно-учебных заведений свидетельствовало о большой тяге и глубоком интересе их к военно-историческим и военно-теоретическим знаниям.

Общество изучало опыт Первой мировой и Гражданской войн и на его основе занималось военно-теоретическими изысканиями, разрабатывало «важнейшие вопросы военной политики, стратегии и тактики» [72]. В области военной истории основными направлениями исследований ВНО были: изучение организационной структуры Красной Армии, ее операций в годы Гражданской войны, вооруженных сил наших противников, изучение опыта революционных войн и армий предшествующих эпох и др.

В редакционной статье журнала «Красная Армия» (вестник ВНО) отмечалось, что «учет опыта Красной Армии, систематизация особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма является единственным верным путем к разрешению поставленных задач» [8, с. 4].

В этой связи необходимо отметить работу исторической секции (позднее – военной истории) и секцию по разработке вопросов методологии и методики военных знаний [9, с. 18]. Доклад А. М. Зайончковского о методике военно-исторического исследования, сделанный им на заседании секции военной истории 1-го Всесоюзного съезда ВНО, позднее был опубликован в журнале «Война и революция» [21]. Автор показывал связь методики с методологией военной истории и давал советы молодым военным историкам, как следует работать с первоисточниками, анализировать их, обобщать с целью повышения уровня военно-исторических исследований.

В числе работ, посвященных отдельным проблемам методологии военной истории, была и статья А. Трифонова «Анализ, как метод военной истории». В ней раскрывается сущность этого метода, дается по существу его диалектическое толкование. «Задачей исследования, – отмечал автор, – которому собственно и служит анализ, как метод, – является

установление зависимости результата от причин, установление степени этой зависимости, другими словами, исследование стремится вскрыть, какая существует закономерность между обусловленным и условным, причиной и следствием» [7, с. 47]. Автор показывал, как необходимо применять метод анализа к истории ряда конкретных войн.

Свою роль сыграла и книга А.К. Топоркова «Метод военных знаний» (1927 г.). В ней автор дает ряд общих методологических установок, имеющих важное значение для военно-исторической науки.

Несмотря на имевшиеся отдельные недостатки и ошибки в исследованиях, уже в 20-х годах военным историкам России удалось начать и частично решить ряд узловых проблем истории Гражданской и Первой мировой войн.

Положительную роль в развитии военно-исторической науки, в пропаганде и изучении истории войн и разработке вопросов военного дела сыграло образование в 1929 г. при Коммунистической академии секции по изучению проблем войны. Она провела большую работу, объединив научные силы, работавшие над военными проблемами.

В этот период многое сделали для науки кадры военных историков старшего поколения: Е.З. Барсуков, А.М. Зайончковский, А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, В. Ф. Новицкий, Ф.Е. Огородников, А.А. Свечин.

В последующем развитие военно-исторической науки в России проходило в условиях образования очагов войны в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому военно-историческая наука исследовала современные войны и на этой основе – проблемы стратегии, оперативного искусства и тактики. Именно в этот период были изданы работы по стратегии М.Н. Тухачевского («Вопросы современной стратегии»), Б.М. Шапошникова («Мозг армии» и др.), разработан ряд трудов по теории оперативного искусства, теории глубокой операции и глубокого боя, методов прорыва укрепленных полос, в частности работа В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий» и др. Издавалась литература, в которой освещался опыт итало-абиссинской войны 1935–1936 гг., гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. и освободительной войны китайского народа против японских захватчиков в 1937–1941 гг. С началом Второй мировой войны появляются книги, в которых вскрывался характер начавшейся войны, обобщался ход вооруженной борьбы и развитие военного искусства.

В период Великой Отечественной войны тесная связь военно-исторической науки с философией обеспечила ей правильную ориентировку в выборе объектов исследования в целях мобилизации народа на борьбу